«Безумие думать, что злые не творят зла».
Марк Аврелий
«К самому себе» (Размышления)

Размышления при прочтении «Сцен из Фауста» А.С.Пушкина

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение к читателю

Вашему вниманию предлагается текст, написанный в период становления авторской группы, известной ныне как Внутренний Предиктор СССР. Это было время, когда многие граждане СССР стали ощущать, что перестройка в варианте навязанном стране группой Яковлева-Горбачёва, в перспективе влечёт крах государства и соответственно несёт многочисленные бедствия. Ощущая это, участники группы пришли к мнению, что государственная власть в обществе — это такой институт, от которого опасно быть зависимым, а дело государственного управления — такое дело, которое надо понимать всем для того, чтобы доверять его тем или иным определённым людям либо отказывать им в такого рода доверии.

Но этот вывод поставил всех нас перед вопросом: *“А адекватны ли жизни как таковой то мировоззрение*[1] *и то миропонимание*[2]*, которые целенаправленно формировали советские школы и вузы, а если не адекватны, то какие мировоззрение и миропонимание являются адекватными?”*

Постановка этого вопроса по его существу и при честности людей означает на первом шаге *«обнуление» сложившихся собственных мировоззрения и миропонимания.* Но поскольку

---

[1] Мировоззрение — система субъективных образных представлений о жизни.

[2] Миропонимание складывается на основе мировоззрения и включает в себя как субъективные образные представления, так и определённое соответствие образам языковых средств, свойственных культуре личности. Если эти языковые средства распространены в обществе, то на их основе возможно взаимопонимание людей; если нет, то субъект — их носитель — говорит на только ему самому понятном языке. Является ли он самодовольным эгоистом или сумасшедшим, либо — единичным явлением будущего в настоящем — это другой вопрос.

человек без ***определённого*** *мировоззрения и миропонимания вообще* подобен кораблю без компаса и навигационных карт, то на втором шаге постановка этого вопроса предполагала самостоятельную выработку своих собственных новых мировоззрения и миропонимания. Поэтому потоку мыслей была предоставлена свобода, и они потекли на листы бумаги, а тексты становились предметом обсуждения с целью проверки на достоверность высказываемых в них мнений и проверки их на устойчивость к добавлению новых фактов.

Вниманию читателя предлагается один из такого рода текстов. Он был написан в июне 1988 г., пролежал до 2003 г., был отсканирован, перечитан заново. При этом некоторые фрагменты, в которых были высказаны мнения, представлявшиеся в то время достоверными, но которые впоследствии показали свою жизненную несостоятельность или несоответствие ставшими известными фактом, были переработаны.

Главная ошибка редакции 1988 г. состояла в том, что И.В.Сталин оценивался в ней как марионетка масонства, вследствие того, что понимания соотношения оглашений и умолчаний марксизма-ленинизма[1], троцкизма как явления психического[2], и большевизма как исторически развивающейся системы нравственности, этики и миропонимания трудящегося большинства, не претендующего на “элитарность”[3], — у авторской группы ещё не было. Остальные ошибки носили характер неточности словоупотребления. В остальном предлагаемый вниманию текст остался без изменений.

Внутренний Предиктор СССР
26 июля 2005 г.

Введение

Почему из огромного мира, который Гёте отразил в своём «Фаусте», Пушкин выбрал именно сцену на берегу моря? И что означает загадочный ответ Мефистофеля на вопрос Фауста:

Что там белеет? говори,

— который в трагедии звучит из уст сирен несколько иначе:

Что издали, белея,
В волнах плывёт к Нерею?

Вот ответ пушкинского Мефистофеля:

Корабль испанский трёхмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нём мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Ну что можно понять из «комментариев» типа:

---

[1] Об этом в материалах Концепции общественной безопасности см. работы ВП СССР: «Диалектика и атеизм: две сути несовместны», «Мёртвая вода», «Краткий курс…».

[2] Об этом в материалах Концепции общественной безопасности см. работы ВП СССР: «Печальное наследие Атлантиды» (“Троцкизм — это «вчера», но никак не «завтра»”, “Время: начинаю про Сталина рассказ”.

[3] Об этом в материалах Концепции общественной безопасности см. работы ВП СССР «Форд и Сталин: о том, как жить по-человечески», «Нам нужны большевики-предприниматели».

«Сцены из Фауста» представляют собой совершенно оригинальное произведение, являющееся вместе с тем первым опытом Пушкина в области создания маленьких трагедий»?

Разве только то, что это действительно «совершенно оригинальное произведение», имея в виду форму, но уж никак не содержание.

1. Живой Протей и французская зараза

С чего начать? Можно со времени издания «Сцен» — периода ссылки в Михайловском, который пришёлся на конец 1825 года, а можно и с десятой, «зашифрованной» главы «Евгения Онегина», которая вдруг «обнаруживается» историком А.Альшицом, а затем «разшифровывается» А.Черновым, (журнал «Знамя» № 1, 1987 г.). При этом в комментариях к «разшифровке» даётся разъяснение:

«… пред нами не просто хроника, но исторический анализ революционного движения в Европе и России в начале XIX века. Пушкин смотрит на декабризм не как на занесённую из Парижа «французскую заразу», а как на часть общеевропейского процесса, как на следствие исторического парадокса».

Далее идет вольный пересказ «замысла» Пушкина, с которым любознательный читатель может ознакомиться, заглянув в первый номер журнала «Знамя» за 1987 г. Однако, мы не пойдём ни за альшицами, ни за черновыми, ни даже за эйдельманами. А пойдём мы за Пушкиным, за Первым Поэтом России, отбросив «ганч»[1] с одной лишь целью — понять, что хотел сказать Пушкин своим «Фаустом» нам, его потомкам.

Итак, «Сцена у моря» начинается словами Фауста:

Мне скучно, бес.

В десятой главе «Онегина» даётся оценка «заговора», который привёл к «жертвенности»:

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука
Всё это было только скука.
Безделье молодых умов
Забавы взрослых шалунов.

Здесь важно понять, каковы были отношения Пушкина с будущими «жертвами заговора», которые впоследствии получили жертвенное название «декабристы».

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошёл кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна может быть

Какое пламя имел ввиду Пушкин, отмечая «искру пламени иного», среди тех, кому «читал свои Ноэли», когда:

У них свои бывали сходки.
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки …

---

[1] Материал, которым реставратор заполняет утраты в подлиннике.

— предлагали «свои решительные меры».

Пушкин был связан многими узами, в том числе и родственным, со многими дворянскими семьями России. Многие из этих молодых людей, горячие головы, честные, преданные Родине зажглись от «искры пламени иного» и … попали в сети тайных организаций, об истинном назначении которых имеют довольно слабое представление даже наши современники.

Казалось ....
Узлы к узлам ....
И постепенно сетью тайной
Россия ....
Наш царь дремал ....
....

Так выглядят последние, очень важные строфы десятой главы «Онегина». Если же отбросить «ганч» Чернова, то в его «реставрации» концовка станет иной:

Казалось, ...
...... узлы к узлам.
И постепенно сетью тайной
.... Россию ....
Наш царь дремал ....

Смотрите, совсем немного — малость какая-то: после слова «казалось» — поставлена запятая; «узлы к узлам» — сдвинуты вправо с точкою, означающей конец предложения; вместо «Россия» в начале строки — видим «Россию» в середине строки; и после слов — «наш царь дремал» — исчезла целая строка многоточия,

Это, извините, не «реставратор», а костолом, т.к. «скелет» окончания X главы у Чернова уже не стоит «прямо», а «согнулся» в нужном автору поклоне, дабы преподнести читателю «заданную» версию. И ведь не стыдно! Нет, не Чернову, а тем, кто публикует подобное. Так что есть прямой смысл идти за Пушкиным, а не за «реставраторами».

Признание самого поэта в письме Жуковскому через месяц после трагедии на Сенатской площади:

«В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым. Я был масон в Кишинёвской ложе, т.е. в той, за которую уничтожены в России все ложи».

И снова X глава «Онегина», в которой, сообщив читателю, как шли дела на Севере, т.е. в Петербурге, Пушкин сосредотачивает внимание на деятельности масонской ложи на Юге, в Кишинёве:

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее, весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.

Что же это за «дела иные», к которым, в противовес Чернову, поэт относится не только без восторга, но даже с осуждением?

Многие упрощают суть дела, называя Пушкина то «монархистом», то сочувствующим «декабристам», не предполагая за гением собственного разумения и настойчиво навязывая своё понимание того времени, которое в их представлении всегда сводится к безальтернативному выбору между двумя вариантами лжи, закрывая тем самым выход человеку на понимание истины. Но в историческом плане истина, рано или поздно, всё равно выходит на поверхность.

Видимо, России надо было пройти весь путь до конца, заливая его своею кровью, чтобы понять ту истину, которую гений понял «слишком рано». Естественно, эта истина в начале XIX века не могла быть услышана «двигателями прогресса», и вполне возможно, что для большинства современников поэта иногда звучала как ересь. Что же мог предпринять Пушкин, прозревая в будущем весь ужас кровавой бани, которую сами того не понимая, готовили «витийством резким знамениты» многие «взрослые шалуны».

Разсказать им, что понял он сам? Предупредить их о безсмысленности «самопожертвования» в сложившейся исторической ситуации? Дать им совет?

Но вот он читает «Фауста» Гёте, своего современника:

Людской какой-то голос! Что за гость?
О люди! В сердце будите вы злость!
С богами вы желаете сравняться,
А над собой не можете подняться.
Не будь мне жалко слабости людской!
Напрасно проявлял я жалость эту,
И пропадали зря мои советы!

— говорит Нерей — древнее морское божество — добрый, мудрый и справедливый старец, обладающий даром предвидения. Далее Фалес, греческий философ, просит Нерея:

И всё же нас ответом удостой,
Мудрец пучины, старец водяной!
Вот в образе людском огонь пред нами.
Ждёт от тебя ответа это пламя.

Да, члены тайных обществ с точки зрения Пушкина могли представляться «пламенем в образе людском», и поэтому Нерей (он же Протей) — Пушкин отвечает:

Советы? Кто оценит мой совет?
Для увещаний в мире слуха нет.
Хоть люди платятся своей же шкурой,
Умней не делаются самодуры.

Где доказательства, что Пушкин, читая «Фауста», отождествлял себя с Протеем? — может спросить читатель-скептик. Но для этого есть основания — свидетельства современников. Один из ближайших друзей поэта — П.Вяземский прямо сравнивал в своих стихах Пушкина с Протеем:

И слог его, уступчивый и гибкий
Живой Протей, все измененья брал.

В «Мифологическом словаре» под редакцией М.Н.Ботвинника и М.А.Когана, издание 1965 года, читаем:

«Подобно другим морским божествам (другим был Нерей), Протей обладал даром предсказывать будущее. Старец, обладавший способностью принимать любой облик. В современном языке Протей стал символом многоликости и многообразия».

Нет, не приемлема для гения «библейская жертвенность», на которую русский народ уже не одно столетие толкают идеологи «богоизбранного народа», и поэтому поэт страдает от сознания собственного безсилия. Нет, не поймут его; более того, отвернутся, а то и заклеймят. Нерей разсказывает о предостережении, сделанном в своё время Парису:

Я предсказал ему проникновенно
Всё, что прозрел я мысленно вдали:
Войну, приплытье греков, дни осады,
Треск балок, дым, горящие громады,

Захват твердыни, преданной огню,
Пожар, убийство, бойню и резню,
День судный Трои, гением поэта
На страх тысячелетиям воспетый.

И Пушкин тоже понимал тщетность таких предсказаний:

Но вызывающего смельчака
Не удержало слово старика.
В угоду чувству, он попрал закон
И пал его виною Илион.

Предвидел поэт, что падут они героями — мучениками, но поймёт ли кто-нибудь из них безсмысленность этой жертвы:

По-богатырски пал, во всём величье
Орлов на Пинде сделавшись добычей.

Пинд — горный хребет, отделяющий Фессалию от Эпира, считался одним из владений Аполлона. В переносном смысле Пинд — приют поэзии. Другими словами, Пушкин, читая «Фауста» как бы видел, что будущие жертвы — декабристы — станут кормом для сочинителей-падальщиков, которые из самого акта «жертвенности» долгие годы будут извлекать свой «гешефт».

Улисса остерёг я наперёд
О том, что он к Циклопу попадёт
И предсказал плененье у Цирцеи
Но стал ли он от этого умнее?

Пушкин прекрасно знал греческую и римскую мифологию и, может, один из немногих понимал, что Гёте, получивший прозвание «олимпиец» за приверженность к дохристианскому политеизму древних греков, создавая в течение всей своей творческой жизни «Фауста», пытался вернуть человека к пониманию им природы человеческой сущности и тем самым как бы протестуя (скорее всего неосознанно) против культуры рабовладения, сформировавшейся на основе «библейских» ценностей.

Кирка (Цирцея) — волшебница с острова Э (такое вот странное название острова) по преданию очистила аргонавтов от участия в убийстве Апсирта, брата Медеи. Но разве можно очиститься от соучастия в братоубийстве? Аргонавты помогли Медее бежать из Колхиды, что сделало их соучастниками преступления.

Странное ощущение испытываешь при чтении некоторых произведений Пушкина, — словно копаешь бездонный колодец или снимаешь слой за слоем краски со старинного полотна. Все глубже проникаешь в смысл сказанного, всё отчётливее проступают скрытые от обыденного сознания картины прошлого.

Вся жизнь Пушкина — в его поэзии. И нет ни одной строчки из написанного им, так или иначе не связанной с его личной судьбой и, следовательно, с его образом мыслей.

Итак, Пушкин читает Гёте и при желании можно понять, какие мысли его обуревают, какие мучают сомнения:

Конечно, грубость сердит мудреца,
Но есть и благородные сердца.
Признательности капля перевесит
Тьму оскорблений, как они не бесят.

Из его дневниковых записей мы узнаём, что в кишинёвскую масонскую ложу «Овидий» он вступил 4 мая 1821 года. О какой-либо его активности, участии в мистических исканиях — ничего неизвестно. Да ничего подобного и не могло быть, поскольку мистическая символика

и театрально-таинственные обряды масонов не только были ему чужды, но очень скоро даже показались смешными.

Не прошло и месяца после его посвящения в масоны, как поэт обратился с проникнутым иронией напутственным посланием к «начальнику» ложи, новому «грядущему Квироге», который, взявши «в длань» масонский молоток «воззовёт — свобода!» Слова этого шутливого обращения к «мастеру» говорят о том, что Пушкин не утратил трезвого взгляда на вещи после встречи с масонами; что в отличие от «братьев» он смог определиться в политических намерениях их зарубежных хозяев; понял, что у новых «просветителей» в России нет будущего, что «страшно далеки они от народа». Заканчивается послание шуточным панегириком:

Хвалю тебя о, верный брат!!!
О, каменщик, почтенный!
О, Кишинёв, о тёмный град!
Ликуй, им просвещенный![1]

Горяч был Пушкин. Всё-таки 22 года. Мальчишка, по нынешним временам, когда иных сегодня и в сорок принято считать «молодыми людьми». Горяч, но и проницательно мудр, ибо видел дальше других. Наделённый от природы «мудростью старца», он пытался объяснить безнадёжность, ненужность и безсмысленность пути, по которому гнали будущих декабристов «просветители». В ответ мог услышать не только непонимание, но и оскорбления, среди которых «обезьяна» — ещё не самое страшное. На поверку оказалось, что многие мысли, представления Пушкина об историческом предназначении России «друзьям» поэта были непонятны и неприемлемы.

А если даст ответ его язык,
Загадочен и ставит их в тупик,

— говорит Фалес в «Фаусте».

Но именно загадочности толпа и не прощает; особенно, если эта толпа мыслит себя «передовой и вперёд смотрящей».

2. И постепенно сетью тайной Россия…

Известно, что ссора в Кишинёве имела место, где заговорщики до слёз оскорбили Пушкина. Отголоски этой ссоры слышны в послании к Чаадаеву в 1821 году.

Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моём я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья.
Врагов моих предал проклятию забвенья
И, сети разорвав, где бился я в плену…

Из этого страстного послания, пронизанного чувством одиночества, видно, что Чаадаев, пожалуй, был единственным, кто понимал поэта:

В минуту гибели над бездной потаённой
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменив надежду и покой...

Да, ссора была достаточно серьёзной, если спустя четыре года, будучи в ссылке в Михайловском, Пушкин в знаменитом «19 октября» 1825 года снова вспоминает о ней, с горечью сожалея о той атмосфере непонимания, в которой он тогда находился:

---

[1] Д.Д.Благой, «Душа в заветной лире». М. 1979 г.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой.
Устав приник ласкающей главой…
С мольбой печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

Было ли тогда непонимание полным? Можно считать, что да. И все-таки один из «братьев-каменщиков» вступился за поэта, хотя впоследствии это ему дорого стоило. Им был автор «Писем русского офицера» полковник Ф.Н.Глинка. О смелом поступке брата-масона (поступок действительно был «смелым», ибо в масонских ложах выступать против «единомыслия» небезопасно), мы узнаём из послания Пушкина Ф.Н.Глинке. Его следует привести полностью.

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм[1]*,*
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слёз оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменяла,
Как изменяла мне любовь,
В моём изгнанье позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Ф.Н.Глинка был наместником «великого мастера» отдельной масонской ложи «Избранного Михаила», созданной в 1815 году в Петербурге под главенством верховной ложи «Астрея». Его судьба интересна тем, что разобравшись как и Пушкин в опасности завезенной «модной болезни», он пытался выйти из тайной организации, после чего сразу же почувствовал карающую руку «братьев-каменщиков».

Он был умышленно оклеветан перед Николаем I евреем Григорием Перетцем, связанным по свидетельству Я.Д.Баума с кланом Ротшильдов, и заключён в одиночную камеру Петропавловской крепости. Сохранилась тетрадь стихов Ф.Н.Глинки, в которой имеется одно из самых смелых обличений «модной болезни» и тех, кто невольно или в соответствии с собственными убеждениями был ею поражён.

У них в руках была страна!
Она во власть им отдана…
И вот, с арканом и ножом,
В краю мне, страннику, чужом,
Ползя изгибистым ужом,
Мне путь широкий залегли…
Сердца их злобою тряслись,

---

[1] В древней Греции — изгнание граждан, почитаемых опасными для государства. Решение выносилось путём тайного голосования с помощью черепков, на которых писались имена изгоняемых. Последнее и дало название: остракон — черепок. Ныне употребляется в переносном значении, подразумевая всеобщее неприятие и гонение.

Глаза отвагою зажались,
Уж сети цепкие плелись…

После этих строк единственного заступника поэта становится немного яснее, что имел в виду Пушкин, когда в X главе «Онегина» писал:

И постепенно сетью тайной
Россия ....

О политических взглядах Ф.Н.Глинки читатель может узнать из монографии «Герои 1812 года», вышедшей в конце 1987 года. Нас же более интересуют политические взгляды Пушкина в период его общения с «братьями-каменщиками».

Был ли он монархистом, как это видели (или хотели видеть) некоторые его современники? В каком свете видел поэт французскую революцию конца XVIII века? Каково было его отношение к организаторам этой революции? Много вопросов возникает при этом, но один из них — главный: каким видел Пушкин место поэта в царстве «свободы», которое готовили братья-масоны? В начале «Кинжалом», а затем сугубо личным стихотворением — «Андрей Шенье», написанным в тот же год, что и «Сцены из Фауста», поэт дал ответ на эти вопросы. Нам представляется, что современное общепринятое толкование типа: *«Восторженно принимая первые шаги французской революции, Пушкин отрицательно относился к диктатуре якобинцев и к террору»,* — говорит о поверхностности суждений не Пушкина, а тех, кто занимается «исследованием и толкованием» его творчества. Ошибочность же вышеприведенной трактовки кроется в том, что *«она даёт представление о поэте — современнике французской революции, который разбирался с её причинами по ходу событий».* На самом деле поэт осмысливал все события спустя тридцать лет и осмысливал их в целом, а не по этапам (первые шаги и т.д.). Ну, примерно также, как осмысливают наши современники события 1917 или 1937 годов, т.е. спустя 70 и 50 лет, с тою лишь разницей, что в отличие от наших современников, Пушкин обладал историческим видением («Бориса Годунова» осилил в 26 лет!). В дополнение к этому, он ещё был наделён талантом прочтения исторических документов, т.е. умел анализировать не только то, о чём эти документы громогласно кричат, но и о чём они обычно «скромно» умалчивают. Этот метод прост и продуктивен для тех, кто следует известному принципу — «Безнравственные средства не могут привести к праведной цели».

Неудивительно, что Пушкин, один из немногих людей той эпохи, сумел увидеть, как под знамёнами «*свободы, равенства и братства*» к власти рвутся тёмные силы; как на смену одним узурпаторам приходят другие, ещё более кровожадные.

Исчадье мятежей подъемлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.
Апостол гибели усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но высший суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

Так своё отношение к деяниям якобинцев поэт выразил ещё в 1821 году. А всего через четыре года в «Андрее Шенье» он уже ставит точки над «і», когда говорит о последствиях «революции».

Здесь важно обратись внимание на то, как ставит ударение Пушкин:

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство.
И мы воскликнули: Блаженство!

Эти строки не случайно пронизаны ядом сарказма. А дальше?.. — Дальше горечь и проклятье новоизпеченным палачам:

О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О, ужас! О, позор!

Это, конечно, не означает, что Пушкин «монархист» по своим убеждениям и что он против свободы. Он против спекуляции лозунгами «свободы», против эгоистических устремлений «чёрных сил», способных под этими лозунгами творить кровавые дела от имени народа.

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — невиновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой.

Когда читаешь «Андрея Шенье» кажется, что это сам Пушкин идёт на эшафот и мысленно прощается со своими ещё недавними друзьями:

Я плахе обречен.
Последние часы
Влачу. Заутро казнь.
Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.

Не так много произведений Пушкин сопровождал разъяснениями, а к «Шенье» он даёт примечания:

«Шенье заслужил ненависть мятежников за то, что составил письмо короля, в котором тот испрашивал у Собрания права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор».

А вот и отношение поэта к происходящему, к членам тайных обществ, в которые его усердно завлекали братья-масоны:

На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?

Снова и снова спрашивает поэт себя — как можно предотвратить трагедию жертвенности, и понимает, что изменить ничего не может. Будет победа или поражение заговорщиков —поэт пойдёт своим путем. Он не монархист. Он — просто зрячий, и поэтому ему по-своему труднее. Он видит дальше своих современников — извечная трагедия гения, обреченного на одиночество и непонимание.

Погибни, голос мой, а ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет.

Нет, не случайно «Андрей Шенье» создан до выхода на Сенатскую площадь декабристов. Здесь видна чёткая позиция поэта по отношению к назревавшим событиям в России. Эта выстраданная поэтом позиция, сформированная им в процессе глубокого переосмысления целей заговорщиков — истинных и мнимых, а также некоторых итогов Французской революции конца XVIII века.

Об этой позиции Пушкин сообщает П.А.Вяземскому в письме 13 июля 1825 года:

«Читал ли ты моего А.Шенье в темнице? Суди об нём, как иезуит — по намерению».

Трудно, ох как трудно было оставаться Пушкину в этих обстоятельствах самим собой, быть верным своему историческому видению событий, ибо слева — самые горячие, самые верные друзья, а справа — царь.

Пушкин не раз возклицал: «Я пророк!» И имел для этого все основания. История сослагательного наклонения не знает, а жизнь человеческая коротка (жизнь гения — особенно), т.е. шансов для проверки справедливости пророчеств в отношении отдельно взятой личности история практически не даёт. Однако, поколение, живущее в конце XX столетия, не может отказать поэту в проницательности. Судьба Шенье стала судьбой многих поэтов Революции — Блока, Гумилёва, Есенина, Клюева, Маяковского. Вглядываясь в 20-е и 30-е годы XX века, мы видим, что подобную судьбу разделили многие лучшие люди России. И общество попрежнему ищет ответ на мучительный вопрос: «Почему такое произходит?»

Нам представляется, что жизнь и смерть Пушкина, так полно и ярко отразившиеся в его творчестве, в какой-то мере отвечают на этот вопрос. Как будет показано ниже, этот ответ сильно разходится с общепринятой точкой зрения специалистов-пушкиноведов. Но не будем пугаться. В своих, возможно и не очень профессиональных исследованиях, мы пользовались методологией А.Г.Кузьмина, который, как нам кажется, очень точно подметил;

«Расхождения между специалистами возникает как из-за разного понимания источников, так и вследствие неодинакового осмысления исторических процессов. Разумеется, сказывается и эрудиция. Но сама по себе, так сказать, автоматически она к верным выводам не приведёт. Разобраться в противоречиях, отделить существенное от несущественного можно лишь с помощью истинной методологии, которой так же можно овладеть лишь вместе с изучаемым материалом. Принципиальное значение при этом имеет исходная точка поиска: идти ли от источника, или же от проблемы. Можно заметить, что при том и другом подходе выводы получаются совершенно разные. И дело в том, что, следуя за источником, легко как бы стать на его точку зрения и просмотреть действительно важное. Постановка же проблемы обязывает шире смотреть на сам источник, учитывая условия его происхождения, полнее использовать уже открытые законы развития общества».[1]

Итак, внимательно изучая источники, пойдём все-таки от проблемы: случайна или закономерна гибель лучших людей России на крутых переломах истории? И если их гибель закономерна (т.е. причинно-следственно обусловлена), то в чём содержательная сторона этих законов?

После трагедии, разыгравшейся в декабре 1825 года на Сенатской площади, в феврале 1826 года Пушкин пишет А.А.Дельвигу из Михайловского:

«Конечно, я ни в чём не замешан, и если правительству досуг подумать обо мне, то оно в этом легко удостоверится. Но просить мне как-то совестно особенно ныне: образ мыслей моих известен. Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я, конечно, не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость его истинным достоинствам, но никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революций — напротив. Класс писателей, как заметил Alfieri более склонен к умозрению, нежели к деятельности, а если 14 декабря доказало у нас иное, то на то есть особые причины».

Так что же это за «особые причины» и что представляла собой «искра пламени иного», о которой Пушкин упоминает в последней, зашифрованной главе «Евгения Онегина»?

[1] А.Г.Кузьмин, «Падение Перуна», М.,1988 г.

3. Искра пламени иного…

О масонской кишинёвской ложе говорилось выше. Кое-что в этом вопросе может высветить переписка поэта 1822 — 1824 годов.

В Греции восстание против многовекового турецкого владычества. Россия — на стороне греческого народа, а Первого поэта северного соседа Греции обвиняют в том, что он не оценил по достоинству «греческих повстанцев».

Пушкин отвечает на эти выпады в письме к В.А.Давыдову в июле 1824 года:

«С удивлением слышу я, что ты почитаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства. Видно слова мои были тебе странно перетолкованы. Но что бы тебе ни говорили, ты не должен был верить, чтобы когда-нибудь сердце моё недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа. Жалея, что принуждён оправдываться перед тобою, повторю и здесь то, что случалось говорить мне касательно греков».

Далее Пушкин вскрывает механизм формирования мнения того окружения, которое почему-то сознательно и целенаправленно искажает взгляды поэта.

«Люди по большей части самолюбивы, беспонятливы, легкомысленны, невежественны, упрямы; старая истина, которую всё-таки не худо повторить. Они редко терпят противуречие, никогда не прощают неуважение; они легко увлекаются пышными словами; охотно повторяют всякую новость; и, к ней привыкнув, уже не могут с нею расстаться. Когда что-нибудь является общим мнением, то глупость общая вредит ему столь же, сколько единодушно его поддерживает».

Поразительно точная оценка так называемого «общественного мнения», которая актуально даже спустя полтора столетия. «А где же греки?» — спросит недоумевающий читатель. Есть и греки, то есть и о них тоже:

«Греки между европейцами имеют гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных друзей».

Кто-то скажет, что это слишком туманно и что при желании эти слова поэта можно всяко перетолковать. Но вот письмо П.А.Вяземскому из Одессы, где уже более определенно по тому же вопросу:

«О судьбе греков позволено рассуждать как о судьбе моей братьи негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные народы европейские бредили Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, есть законнорождённый их потомок и наследник их школьной славы. Ты скажешь, что я переменил своё мнение. Приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада и ты бы со мною согласился».

И ещё одно письмо В.А.Давыдову всё по тому же поводу, но… то ли из Кишинёва, то ли из Одессы, верхний край письма оторван, да и дата неясна: то ли 1823, то ли 1824 год,

«Из Константинополя — толпа трусливой сволочи, воров и бродяг, которые не могли выдержать даже первого огня турецких стрелков, составила бы забавный отряд в армии графа Виттгенштейна. Что касается офицеров, то они хуже солдат, мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишинёва (…) со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество (…), ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — французы и русские, которые здесь живут, высказывают им вполне заслуженное презрение; они всё сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла. Я не варвар и не проповедник Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому-то я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу».

Крайне интересная переписка! И кто же этот «пакостный народ, состоящий из разбойников и лавочников, эта толпа трусливой сволочи, у которой нет никакого представления о чести»?

Может быть греки? Но греческие повстанцы истекали в это время кровью в неравной борьбе за свободу своего Отечества. Бегут же, как правило, те, у кого никогда не было Отече-

ства и для кого борьба за свободу своего народа — всего лишь «ухудшение условий среды обитания».

Нет, не случайно «главные пушкиноведы» у нас Эйдельман, Гоц, Абрамович, Лотман и др. Не случайно, что их духовный отец, академик Д.С.Лихачев (ученик Жирмунского) объявляет русских писателей В.Белова, В.Астафьева, В.Распутина — черносотенцами. Если уж замолчать, зачеркнуть Пушкина — Первого Поэта России нельзя, то «разтолковать», объяснить его русскому народу, выходит, была какая-то настоятельная необходимость. В чём дело?

Почему даже невооруженному взгляду непредвзятого читателя при изучении эпистолярного наследия поэта бросается в глаза желание прошлых и современных «толкователей» пушкинского наследия убрать оттуда всё, что касается упоминания роли иудо-масонов в судьбе «жертвопринесённых» декабристов. Фактов, к сожалению, мало, но кое-что осталось. Если же эти факты разсматривать в связи с обстановкой, царившей в то время в литературных кругах, то можно понять очень многое. Но главное — идти за Пушкиным, строго за Пушкиным, а не за его «толкователями».

Вот, например, письмо поэта А.А.Бестужеву от 29 июня 1824 года из Одессы:

«Онегин мой растёт. Да чёрт его напечатают — я думал, что цензура ваша поумнела при Шишкове — а вижу, что и при старом по старому. Если согласие моё, не шутя, тебе нужно для напечатания Разбойников (Имеются в виду «Братья-разбойники»), то я никак его не дам, если не пропустят «жид» и «харчевни» (скоты! скоты! скоты!), а «попа» — к чёрту его».

В чём дело? Отчего такая несговорчивая горячность в отношении одного лишь слова! Да и кто эти «разбойники» в пушкинском определении? Это надо знать точно, ибо подобное знание многое проясняет в тех «нелепых обвинениях», которые приписывались Пушкину в отношении его «неверного понимания» освободительной войны в Греции. Внимательное прочтение «Братьев-разбойников» кое-что проясняет в понимании столь категоричного пушкинского определения *«пакостного народа, состоящего из разбойников и лавочников».*

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью вкруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племён, наречий, состояний
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!

Кто же собирается в шайки для стяжаний в начале XIX века? Здесь Пушкин точен:

Меж ними зрится и беглец
С брегов воинственного Дона
И чёрный в <u>локонах еврей,</u>
И дикие сыны степей…

А что объединяет эту «толпу»?

Опасность, кровь, разврат, обман
Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошёл все степени злодейства.

Нет, не всегда еврей был таким внешне тихим и респектабельным, каким он видится многим в конце XX века. Был он и лавочником, богатым жидом, бывал и разбойником, иногда даже предводителем шайки.

Идёт ли позднею дорогой
Богатый жид иль поп убогой.

Столетие спустя это соединение «разбойника» и «лавочника» в одном лице Россия почувствовала на себе в полную меру и стоило это нашествие народу великих жертв. Пушкин, наделённый от природы даром прозорливости, ещё в зародыше увидел то, что начиналось в России под флагом «многоликого международного мракобесия». Увидел, ужаснулся, не принял, заклеймил и тем самым вызвал на себя огонь тех сил, которые уже давно стремились разрушить нравственные устои, духовные основы русской государственности.

В 1824 году на пути этих сил встал новый цензор Александр Семенович Шишков — 70-летний адмирал, одаренный писатель, талантливый учёный-лингвист, предвосхитивший многие позднейшие открытия в языкознании. Не случайно полтора столетия на этого виднейшего государственного деятеля первой половины XIX века был навешен ярлык реакционера. Дело в том, что А.С.Шишков, «муж отечестволюбивый» повёл непримиримую борьбу с одержимыми «модной болезнью», объединенными в окололитературные общества типа «Арзамас» и «Зелёная лампа».

Первый поэт России встретил с одобрением перемены в цензуре. В июне 1824 года он пишет брату Л.С.Пушкину из Одессы:

«Бируков и Красовский (прежние цензоры) невтерпёж были глупы, своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться. На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он «Бахчисарайский фонтан» из уважения к святыне Академического словаря и неблазно составленному слову водомет? Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик».

Да, мы знаем, что какое-то время Пушкин состоял в «Арзамасе», где числился под кличкой «Сверчок». Однако, он скоро разошёлся с этими «бойкими ребятами, всегда стремящимися оказаться впереди прогресса». Много пришлось выдержать поэту обвинений по этому поводу, в том числе и обвинений в предательстве. Однако, хорошо известно, что от своей линии, которая определялась его пониманием развития исторических событий, Пушкин никогда не отступал, и здесь в лице Шишкова он видел прочную основу. Так в письме своему другу П.А.Вяземскому в июне 1824 года, давая характеристику русской оппозиции «состоявшейся благодаря русскому Богу из наших писателей, каких бы то ни было», поэт с горечью замечает о том направлении, которое принимает в России литературное дело:

«… вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдут врать своим чередом, Русь — своим чередом — вот как Шишков сделает всю обедню…»

В последних словах явно слышится надежда. А через полгода, в январе 1825года из ссылки П.А.Вяземскому Пушкин даёт оценку новому цензору совершенно определенную:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью Двенадцатого года,
Один в толпе вельмож он русских муз любил
Их незамеченных создал, соединил.[1]

Рано или поздно, но история возстанавливает справедливость. В 1987 году издательство «Молодая гвардия» выпустила книгу В.Карпеца «Муж отечестволюбивый», в которой возвращается доброе имя человеку, имевшему смелость публично заявить при уходе в отставку: «Цари имеют больше надобности в добрых людях, нежели добрые люди в них».

Однако, не меньшей смелостью надо было обладать в то время, чтобы бросить вызов «вольным каменщикам», поскольку в их рядах числился даже сам глава III отделении собственной Его императорского Величества канцелярии А.Х.Бенкендорф.

Речь идет о «Библейском обществе», против которого тогда так рискованно выступал Шишков. Почему рискованно? Да потому, справедливо отмечается в книге, что «масоны мстили жестоко и наверняка, и немало ладей, столкнувшись с ними, погибало загадочной смертью».

[1] А.С. Пушкин, стихотворение — «Второе послание цензору».

Итак, «Библейское общество»!? Для понимания отношения к нему Пушкина необходимо разобраться в том, как поэт относился и к «небанальному литературному документу» под именем которого это общество выступало. Вопрос этот интересен потому, что не разобравшись в нём, мы не сможем до конца понять и отношения великого русского поэта к иудаизму и масонству.

Странную вещь можно заметить при изучении писем Пушкина. Как только хотя бы краем в переписке этот вопрос затрагивается, то либо письмо надорвано, либо это вообще отрывок (чаще черновой), к тому же с неопределённой датой и местом отправки (то ли Одесса, то ли Кишинёв). А в довершение всех прочих неопределённостей — и адресат неизвестен.

Как, например вот это (то ли апрель, то ли май 1824 года, из Одессы), представляющее собой ответ на неизвестные вопросы неизвестному адресату:

«… читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира».

Письмо это интересно тем, что, судя по комментариям к нему, именно оно послужило причиною исключения Пушкина со службы и ссылки его в Михайловское. Другими словами, это уже было не частное письмо, а документ жандармского управления и, следовательно, оно должно было либо исчезнуть совсем, либо наоборот, сохраниться полностью и окончательно, а не как «отрывок неизвестному адресату». Но это уже больше вопросы для следователей, которые пожелают разобраться, кому и чем это, по нашему мнению (разумеется основанному на прочтении указанного отрывка), безобидное письмо могло помешать.

Нас сейчас больше интересует не сам факт чтения Пушкиным Библии, а то, как он Библию понимал. Пока же можно утверждать, что этот «небанальный документ» он изучал очень внимательно.

Вот, например, хорошо известная и очень нестандартная концовка трагедии «Борис Годунов». Многие пытались найти отправную точку столь необычного завершения, а она, как мы обнаружили, взята Пушкиным из Библии.

«Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович! (народ безмолвствует)», — так у Пушкина.

А вот как эта тема звучит в Библии:

«И подошёл Илия ко всему народу и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему, а если Ваал, то ему последуйте. <u>И не отвечал народ ему ни слова</u>» (Третья книга Царств, 18:21)

Может случайное совпадение текстов? Но «Бориса Годунова» Пушкин заканчивает в ссылке, в Михайловском, в 1825 году, а 20 ноября 1824 года он умоляет брата в письме: «Библию! Библию! и французскую[1] непременно!» И через две недели Л.С.Пушкину с укоризною напоминает: «*Михайло привёз мне всё благополучно, а Библии нет*».

Судя по письмам конца 1824 года и до середины 1825, идёт напряжённая работа над «Борисом Годуновым». «Стихов нет. Пишу записки», — сообщает он брату. В ноябре 1824 года в Петербурге наводнение. Это событие находит отражение в письме к Л.С.Пушкину, напоминая нам о том, что Библия по-прежнему занимает его мысли, но, разумеется, не как религиозного фанатика:

«Что это у вас? Потоп! Ничто проклятому Петербургу! (…) Что погреба? Признаюсь, и по них сердце болит. Не найдётся ли между вами Ноя для насаждения винограда? На святой Руси не шутка ходить нагишом, а хамы смеются».

Из Библии (Первая книга — Бытие) известно, что Хаму, сыну Ноя, было не до смеха, когда он увидел своего папашу нагишом в пьяном виде в шатре. Суровый Иудейский бог Яхве, шутить не любил. Из всех людей, живших до потопа, спасти почему-то решил пьяницу Ноя. Видимо, употребление вина, придуманный евреями бог, считал делом богоугодным и потому наказал не пьяницу Ноя, а его сына Хама (отдал в рабство братьям). Два брата Хама — Сим и Иафет — урок извлекли, и в шатер к пьяному папаше входили только пятясь задом вперёд.

---

[1] Во времена Пушкина на русском языке Библия ещё не была издана. Этот документ можно тогда было прочитать только на церковно-славянском. Впервые Библия на русском языке была издана в России в 1876 году.

Бытие, Глава 9:

20. Ной начал возделывать землю и насадил виноградник;
21. и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнажённым в шатре своём.
22. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим.
23. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив её на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего.
24. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его,
25. и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих.
26. Потом сказал: благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему;
27. да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему.
28. И жил Ной после потопа триста пятьдесят лет.

Данная библейская история весьма поучительна в свете развернувшейся уже в наше время пресловутой «борьбы» с «пьянством и алкоголизмом». Ловко замыкая круг причинно-следственных связей (государство производит и продаёт алкоголь, потому что в нём есть потребность, а народ пьёт потому, что государство продает) всё умеющие объяснять дяди «левины-о-врукие» скромно утаивают главное: почему употребление вина по-прежнему, как тысячи лет назад, считается делом богоугодным? Хотя, пардон, со времен Ноя прогресс заметен. Употреблять можно, но напиваться до безпамятства, как Ной, — нельзя. Ну, а если дома, т.е. в своём шатре?.. Мда! Однако, при более глубоком размышлении, получается, прогресс невелик.

Если говорить о нашем отношении к Ною, то мы считаем, что он был праведником, а вся история, описанная в Библии, к исторически реальному Ною никакого отношения не имеет, ибо если Ной — праведник, то Богу, который есть, не было необходимости вставлять праведника в таком виде, каким он представлен в Библии.

4. Почему нельзя молиться за царя Ирода?

Кажется, отклонились от темы? — Да нет! Пушкин ведь не просто посмеялся над известной библейской историей. В отличие от нас, его потомков, он посмеялся как истинный государственный муж, а не как чиновник-функционер, выполнявший социальный заказ.

Однако, вернёмся к «Борису Годунову», к которому поэт решительно приступает лишь где-то летом 1825 года, когда трагедия окончательно созрела, с одной стороны, — благодаря чтению «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина, а с другой — в жизни, как сложившийся заговор будущих декабристов.

13 июля 1825 года, он торжественно сообщит П.А.Вяземскому:

«Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтобы не выписать её заглавия: *«Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве писал раб Божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Вороничe».* Каково?»

Этот момент можно считать началом претворения в жизнь великого замысла. Ровно через три месяца он известит своего друга:

«Сегодня кончил вторую часть моей трагедии — всех, думаю, — будет четыре».

Ветхий и Новый завет, т.е. Библия — рядом. В том же письме П.Вяземскому от 13 сентября 1825 года, касаясь характера Бориса, Пушкин замечает:

«Я смотрел на его с политической точки, не замечая поэтической его стороны: я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное».

Почему поэт хотел заставить «читать повесть об Ироде» Бориса Годунова? На то были особые причины.

Вот характеристика царя Ирода изложенная Альбером Ревилем в его книге «Иисус Назарянин»:

«Нужно было сознаться, что Ирод был необычайным человеком; в продолжение 33-х лет удивительное счастье сопровождало все его предприятия и сделало его неограниченным властелином Палестины. Царствование этого коронованного преступника, одновременно блестящее и мрачное, долго занимало умы историков.

Жестокий и надменный по отношению к подчинённым, он обладал редким умением обращаться с людьми и способностью очаровывать тех, кого имел основание бояться. Это качество не менее его сокрушительной энергии часто помогало ему выходить из затруднительных обстоятельств.

Пылкий, снедаемый честолюбием, он терял всякую совестливость и жалость, когда ему казалось, что его личный интерес может чем-нибудь нарушен: он мучил себя и был палачом своей семьи.

От природы подозрительный, под влиянием обстоятельств он обратился почти в настоящего маньяка. Хотя судьба благоволила к нему более чем к кому бы то ни было, но он был всё-таки одним из самых несчастных людей, и мог обвинить в этом лишь самого себя.

Этот человек обладал холодной жестокостью, раздражительностью и подозрительностью; страстная любовь к власти превратила его впоследствии в отъявленного палача.

Раб своих страстей, особенно безмерного властолюбия, эгоист до глубины души, он мучительно желал быть любимым, но никогда не умел завоевать себе любви и ни разу не снискал счастья.

Иногда ему удавалось испытать острую радость — выйти победителем из затруднительных положений и тем спасти своё самолюбие от укола, но затем сам себе он всегда портил торжество.

Самый блестящий успех может сделать человека счастливым, но его гложет червь сомнения или суеверия, если его мучат угрызения совести.

Он теряет тогда «свою душу», т.е. утрачивает способность жить сердцем; для него остаётся недоступною составляющая счастье способность любить. Он лишается душевного спокойствия, и если даже ему удалось подчинить весь мир — на что нужна такая жизнь».

Вот такой психологический портрет. Желание проникнуть в замысел Пушкина в отношении характера Бориса Годунова привело к тому, что наше внимание невольно обратилось на странное сходство психологического портрета Ирода Великого и И.В.Сталина, каким он предстаёт в современных средствах массовой информации. Такой психологический портрет вождя вдруг начали лепить все отечественные и зарубежные СМИ в первые годы перестройки после длительного, почти после 20-ти летнего периода полного замалчивания всего, что касалось жизни и деятельности этого великого человека.

Чтобы не быть голословным — всего один пример якобы признания в последние годы жизни Сталина маршалу Г.К.Жукову:

«Я самый несчастный человек на свете. Я боюсь собственной тени»[1].

Откуда это? Ответ на этот вопрос мы попытались поискать в области психиатрии и получилось примерно следующее. Скорее всего, хозяева средств массовой информации — работники идеологического отдела ЦК КПСС, посчитали, что поколение, знавшее И.В.Сталина не по «воспоминаниям современников», а по его делам, в основном ушло из жизни и потому, не долго думая, они решили заново создать его «правдоподобный образ» для вступающих в жизнь новых поколений. А поскольку для всякого правоверного иудея, коими полны редакции всех наших газет и журналов (один Г.Бакланов — главный редактор журнала «Знамя» чего стоит[2]), то для них царь Ирод — олицетворение абсолютного зла — смесь коварства, подозрительности и тщеславия. Поэтому неудивительно, что их Сталин стал так похож на царя Ирода.

---

[1] Журнал «Знамя», № 11, 1986 г., последнее интервью Г.К.Жукова Галине Ржевской.

[2] В руководимом им журнале он опубликовал антисемитскую записку-угрозу, написанную от имени общества “Память”. Было произведено расследование и выявлен автор этой записки. Им оказался обыкновенный еврейский жид.

Читая характеристику Ирода, невольно проникаешься грустными мыслями по поводу исторических повторов. Народная мудрость гласит, что «характер — это судьба». Судьба Ирода несомненно заинтересовала Пушкина не менее, чем его характер.

«Прошло несколько лет с тех пор, как Ирод объединялся с остатками дома Асмонеев; он считал свой престол настолько прочным, что нашёл возможным уступить настояниям Мариамны (жены Ирода) и её матери и доверить первосвященство сыну последней, 16-летнему отроку Аристовулу. Ирод надеялся, что такой молоденький первосвященник не будет пользоваться никакой властью и окажется вполне преданным. Но напротив всякого ожидания, иерусалимское население привязалось к отроку-первосвященнику, своей юной красотой и наследственными чертами напоминавшему наиболее почитаемых героев священной войны. Когда Ирод показывался публично, он встречал самый холодный приём, тогда как молодого первосвященника восторженно приветствовали радостными кликами. Ирод понял, что ему грозит большая опасность. Александра (мать Аристовула) почуяла, что идуменянин замыслил чёрное дело и решила скрыться со своим сыном. Но это ей не удалось: спустя несколько времени Аристовула постигла удивительно странная смерть. Однажды он купался и резвился со своими сверстниками, и тут несколько мальчиков так долго продержали его голову под водой, что домой его принесли уже мёртвым. Александра не сомневалась, что её сына умертвили приспешники Ирода».

Это всего лишь один эпизод из жизни Ирода, но и он достаточно хорошо объясняет, почему Пушкин хотел заставить Бориса Годунова читать повесть об иудейском царе Ироде. Вот почему Юродивый в трагедии в ужасе кричит:

«Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит».

Да, отношения с Библией у поэта сложные. Одно можно сказать определённо: он был один из немногих современников, понимавших истинную суть этого «небанального» литературного наследия специально написанного для древних иудеев. В уже известном письме к брату от 4 декабря 1824 года он замечает: *«Библия для христианина то же, что история для народа».* Интересно проследить истоки этого высказывания, Пушкин собирает материалы к «Борису Годунову»; изучает исторические документы, читает «Историю государства Российского» Н.М.Карамзина, осмысливая ценность труда великого подвижника для будущих поколений. А пока? — Пока он с грустью замечает, что народ русский, конечно же, истории своей не знает и знать не может. Во-первых, потому что он почти поголовно безграмотен, а, во-вторых, существующих книг по истории для широкого чтения немного. «История» же Карамзина ещё только рождается и только-только пробивает дорогу к узкому кругу просвещённого читателя. Было бы легкомыслием думать, что в России начала XIX века в среде просвещённой все поголовно жаждали приобщиться к историческому прошлому своих предков. Не случайно поэт с горечью замечает в одном из своих писем: «*Мы ленивы и не любознательны!»*

Пушкин не только самостоятельно занимался историческими исследованиями, но и оказывал серьёзное влияние на формирование подлинно исторического видения своих современников и взглядов Карамзина в частности.

«Библия для христианина то же, что история для народа». Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие «Истории» Карамзина. При мне он её и переменил».

Всего две строки частного письма, но как много они могут сказать желающему понять не то, о чём обычно говорят громко и открыто, а то, о чём скромно умалчивают. Так как же наоборот?

Если «наоборот», сохраняя глубину содержания, то, вероятнее всего, будет: «История для народа, что Библия для христианина». Но, скорее всего, Пушкин всё-таки имел ввиду перемену не формы, а содержания и тогда первоначально фраза Карамзина могла быть такой: *«История для христианина, что Библия для народа».*

Если это так, то у Пушкина получилось содержательно глубже и точнее. Карамзин понял это и, несмотря на солидную разницу в возрасте (для 60-летнего Карамзина 25-летний Пушкин был мальчишкой), — совет поэта принял. Наши предки не страдали фанаберией, свойственной их потомкам, и содержательная глубина мысли не всегда определялась величиною возраста. Это замечание, как бы вскользь брошенное поэтом, многое проясняет в вопро-

се, «*почему Пушкин Гёте и Шекспира предпочитал Библии?»*. Подобные вещи можно понять лишь в определённом историческом контексте.

Если отношение современников Пушкина к гомеровским «Одиссею» и «Илиаде», как к собранию древнегреческих мифов было обычным явлением, то подобное отношение к мифам Ветхого и Нового заветов не могло быть принято общественным мнением как норма. Вопрос же о сопоставлении древнегреческой и древнеиудейской культур несомненно интересовал современников поэта не только с религиозной точки зрения. Искры этой отдалённой полемики долетают к нам из писем Пушкина, и кое-что высвечивают нам, его потомкам.

23 февраля 1825 года он пишет Н.И.Гнедичу из Михайловского:

«Песни греческие прелесть и чудо мастерства. Об остроумном предисловии можно бы потолковать? Сходство песенной поэзии обоих народов явно — но причины?»

В чём дело? Что означают эти два вопроса? Что имел в виду Пушкин, упоминая о сходстве песенной поэзии обоих народов и что означает загадочное — «*но причины*»?

Обо всём этом трактат писать надо. Он и написан в общеисторическом плане Л.Н.Гумилевым. В монографии Л.Н.Гумилева «Этногенез и биосфера земли» изложена теория формирования этнических полей, обладающих только им присущей частотой (ритмом). Эта теория помогает уловить суть дела: когда два содержательно разных этнических ритма накладываются друг на друга, то возникает либо симфония либо какофония. Греки и иудеи — два разных этноса, носители двух различных по содержанию культур. До походов Александра Македонского эллины не знали иудеев, но в селевкидской Сирии и птолемеевском Египте они оказались соседями. Иудеи изучали Платона и Аристотеля, эллины — Библию в переводе на греческий язык[1]. Так под покровительством Птолемеев был сделан перевод Торы (Пятикнижие Моисеево) на греческий язык, получившее название Септуагинты[2] (так называемый перевод семидесяти толковников).

Адьбер Ревиль в упоминавшейся выше книге «Иисус Назарянин» сообщает, что, несмотря на некоторые недостатки, перевод послужил для иудейства открытым мостом, через который оно вышло из своей *тесной ограды* и разпространилось по всему греко-римскому миру. Л.Н.Гумилев отмечает, что оба этноса были талантливы и пассионарны (т.е. активны), но из слияния двух различных по содержанию мироощущений возник гностицизм — антисистемная идеология, особое религиозно-философское течение. Гностики полагали, что духовные истоки человека — непознаваемы.

Именно гностицизм положил начало другой могучей и свирепой антисистеме — *манихейству*. Гумилев на основе сложившегося у него миропонимания прослеживает развитие этой системы и объясняет причины её «свирепости».

«Зло вечно. Это материал, в том числе и оживлённый духом, т.е. живая плоть. Дух мучается в тенетах материи, следовательно, его надо освободить от плоти. Отсюда зло — это вообще всё видимое: храмы, иконы, живая природа и тела людей. Весь многоцветный мир

---

1 Одна из традиций сообщает, что Пифагор и Ездра был лично знакомы.

2 «Историческое предание относит появление Септуагинты ко времени, когда в Египте царствовал Птолемей II Филадельф (282 —246 гг. до н.э.). Создание Септуагинты историческое предание приписывает семидесяти или семидесяти двум старцам (латинское septuaginta — семьдесят). Рассказ об этом событии дошёл до нас в так называемом письме Аристея Филократу, составленном не ранее II века до н.э. Согласно письму Аристея инициатором перевода Торы (Пятикнижия Моисеева) на греческий язык был Деметрий из Фалерона — библиотекарь Александрийской библиотеки (в те времена — крупнейшее книгохранилище древности). По предложению Деметрия из Фалерона Птолемей II направил в Палестину двух своих приближённых — Андрея и Аристея — с письмом к иудейскому первосвященнику Елеазару. Последний отобрал 72 переводчика и отправил их в Египет. В специальном здании на острове Фарос они совершили свой труд, занявший 72 дня. По окончанию работы Деметрий предоставил перевод александрийской иудейской общине, которая восторженно приняла его и пожелала иметь один экземпляр, а затем Птолемею II. Существует ещё одно предание, сохранённое раннехристианскими писателями (Ириней, Климент, Августин и др.): переводчики работали порознь, однако, результаты их труда совпали; рассказчики видели в этом признак особого благоволения Бога. В основе преданий лежит реально событие: создание стандартной греческой версии Пятикнижия» (И.Шифман, «Ветхий Завет и его мир», изд.1987 г.). Этот фрагмент иудейской истории освещён в двухтомной монографии французского профессора Альбера Ревиля в переводе Ф.Зелинского — «Иисус Назарянин», 1909 г.

достоин только ненависти. Кажется логичным, что самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но как подлинные представители метафизического идеализма, они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Смерть, по их мнению, ввергает самоубийцу в новое рождение со всеми вытекающими отсюда неприятностями. В чём же спасение? А надо убить в себе желания, т.е. возненавидеть жизнь. Для этого надо всячески отравлять её себе и другим, надо стараться сделать жизнь на Земле отвратительной. С этой целью запрещались все чистые радости плоти, примиряющие человека с жизнью: брак, основанный на доброте и доверии, любовь к Родине, детям, природе. А бездумный грязный разврат поощрялся. Что же касается чести, нравственности, то всё, что естественно полностью упразднялось. Лги, предавай, лжесвидетельствуй, но не выдавай тайну! — вот что вменялось в качестве принципа поведения. Во имя великой цели — достижения полного отвращения к жизни — все средства считались достойными; будь то убийство, мучительство, ложь, разврат.

Манихейские общины, возникнув в Малой Азии, на границе с мусульманским миром, двигались в Европу через Балканы и Испанию. В Южной Франции, например, где жило смешанное христианско-арабо-еврейское население, и где выходцы из иудеев составили значительную часть дворянства, центром манихейства стал город Альби, из-за чего французских манихеев стали называть альбигойцами, наряду с их греческим названием — катары, т.е.: «чистые». В Италии манихеи в целях маскировки называли себя патаренами, т.е. «ткачами»».

На самом деле манихеи были такими же «ткачами», как и возникшие позднее масоны — «каменщиками».

Ну вот, кажется, мы и добрались до «вольных каменщиков», а так же и тех основополагающих «нравственных» принципов, которые лежат в основе их мироощущения. Стоит ли удивляться, что подобное мироощущение, даже добротно замаскированное цветастыми обёртками из популярных лозунгов о *свободе, равенстве и братстве*, вызывало неприятие в душе Пушкина. Нет, не могли масоны с их иудейской символикой строителей храма Соломона, с их лицемерным и мрачным духом единомыслия, одурачить трезво смотрящего на жизнь, умеющего различать даже малейшую фальшь, поэта. И если в 1821 году ссора между «двигателями прогресса» и первым поэтом России могла возникнуть всего лишь на почве различия в нравственных оценках некоторых фактов современной истории без их глубинного осмысления, то спустя четыре года в период долгой ссылки в Михайловском и, особенно после трагедии, разыгравшейся на Сенатской площади, Пушкин уже продвигался к истине не столько от фактов, сколько от осмысления причин, порождающих те или иные проблемы в развитии исторических процессов. А для этого ему необходимо было разобраться не только в самих процессах, которые разворачивались в конце XVIII, начале XIX веков в Европе и России, но также и в силах, приводящих эти процессы в движение. Масоны были силой могущественной и тайной, что способствовало их эффективному проявлению в определённой исторической ситуации.

Сейчас, спустя два столетия, многое в этой тайне, сокрытой туманом словесной лжи, специально извращается в угоду тем тенденциям, которые стали к концу XX века определяющими в развитии мирового сообщества. И это явление не случайное, а закономерное, поскольку противоборствующее силы на современном этапе исторического развития более четко определились по своей классовой сущности. Тогда же, в конце XVIII века, столь чёткой поляризации сил не было, и, следовательно, не было и необходимости в их глубокой маскировке. Народным массам масонские тайны были не интересны в силу их низкого образовательного уровня, а для привлечения на свою сторону возможно больше представителей «элиты», масоны были вынуждены часть своих тайн приоткрывать.

«Неудивительно, — как писал Кропоткин, — что и во Франции, и в России многие просвещённые современники прекрасно знали, «что все выдающиеся деятели французской революции принадлежали к франкмасонам, Мирабо, Бойи, Дантон, Робеспьер, Марат, Кондорсе, Бриссо, Лоланд н др. — все входили в братство «вольных каменщиков», а герцог Орлеанский (назвавший себя во время революции «Филипп Равенство») оставался великим национальным мастером масонского братства вплоть до 13 мая 1793 года. Кроме того, известно также, что Робеспьер, Мирабо, Лавуазье и многие другие принадлежали к одной из самых реакционных лож — ложе иллюминатов, основанной Вейсгауптом».

Пушкин, как показало его литературное наследие, в отношении фактов был человек весьма аккуратный и даже, можно сказать, дотошный. Вряд ли можно сомневаться, что он хорошо разбирался во всех мистериях тайных обществ. Ему нетрудно было понять, что большинство масонских легенд сочинено под влиянием иудейских религиозных мифов и что не случайно «Великим Архитектором Вселенной» стал иудейский бог Яхве, а его имя вписывается внутри иудейско-сионистского и вместе с тем важнейшего масонского символа — шестиконечной звезды Давида, которая обладает якобы тайной магической силой. Семисвечник из синагоги в *«масонстве изъявляет то тесное и неразрывное единство, существующее между братьями-каменщиками, кои хотя и разные степени имеют, но все по одному правилу действуют и на едином основании создают».*

Всё это сейчас можно прочесть в монографии Соколовой Т. «Русское масонство и его значение в истории общественного движения», а также в книге П.П.Кропоткина — «Великая французская революция 1799 — 1793 гг.»

Во времена А.С.Пушкина этих и других источников по масонам ещё не было и, тем не менее, их тайны были более доступны, но — только для посвящённых.

Почему же мы так уверенно говорим о том, что Пушкин разобрался в первоисточнике масонских легенд? Дело в том, что легенда о строительстве храма Соломона — легенда о Хираме — сыне вдовы (масоны именуют себя «детьми вдовы») изложена в Ветхом Завете, в Третьей книге Царств (главы: 5 — 9). Как мы убедились выше, Пушкин особенно внимательно читал Библию в период подготовки и в процессе работы над «Борисом Годуновым». Именно в третьей книге Царств и нашёл он нужную концовку, адекватную замыслу трагедии.

Вот теперь, принимая во внимание вышеизложенное, можно понять, кого имел в виду Пушкин, когда называл беженцев из Греции «пакостным народом, состоящим из разбойников и лавочников… толпою трусливой сволочи, у которой нет никакого представления о чести, никакого энтузиазма». Конечно, во времена Пушкина не было работ, подобных работам Л.Н.Гумилёва, объясняющих природу становления и развития различных этносов[1]. Однако,

---

[1] Важнейшую роль в теории Л.Н.Гумилёва играет термин «пассионарность» и другие, с ним связанные.

На стр. 266: «Итак, пассионарность — это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, — к нарушению инерции агрегатного состояния среды. Импульс пассионарности бывает столь силён, что носители этого признака — пассионарии — не могут заставить себя рассчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность — атрибут не сознания, а подсознания, важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, т.е. это признак не только индивидуальный, но и популяционный».

На стр. 281: «Итак, пассионарность — не просто «дурные наклонности», а важный наследственный признак, вызывающий к жизни новые комбинации этнических субстратов, преображая их в новые суперэтнические системы. Теперь мы знаем, где искать его причину: отпадают экология и сознательная деятельность отдельных людей. Остаётся широкая область подсознания, но не индивидуального, а коллективного, причём продолжительность действия инерции пассионарного толчка исчисляется веками. Следовательно, пассионарность — это биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, — это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели».

На стр. 276: «Пассионарность обладает ещё одним крайне важным свойством: она заразительна. Это значит, что люди гармоничные (а в ещё большей степени — импульсивные) оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя так, как если бы они были пассионарны. Но как только достаточное разстояние отделяет их от пассионариев, они обретают свой природный психо-этнический поведенческий облик».

«Этногенез и биосфера Земли». (изд. 3, стереотипное, Ленинград, “Гидрометиздат”, 1990 г., 528 стр., тираж 50000).

Набор признаков, необходимых для идентификации «этноса» Л.Н.Гумилёва, иногда шире, чем пять признаков в определении **нации** И.В.Сталина, и включает в себя даже среду обитания (природную и социальную), а иногда сокращается до одного стереотипа поведения, достаточно устойчивого во времени. Стереотип поведения может быть различным, в том числе и стереотип Т.Герцля: *«Группа людей общего исторического прошлого и общепризнанной принадлежности в настоящем, сплоченная из-за существования общего врага».* То есть гумилёвский «этнос» можно напялить и на исторически сложившуюся нацию, народ и на псевдоэтническую мафию; потом назвать это межнациональным конфликтом; а после этого приступить к защите “малого народа” от “притеснений” со стороны больших народов, отстаивающих самобытность и дальнейшее развитие своих национальных культур от посягательств псевдоэтнической мафии владеть народом как собственностью. “

гений поэта обладал не просто историческим видением, а настоящим историческим предвидением. Судите сами 6 декабря 1825 года в письме Плетнёву из Михайловского он пишет:

«Душа! Я пророк, ей Богу пророк. Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына — выписывайте меня красавцы мои, а не то не я прочту вам трагедию свою».

Не прошло и месяца, как настоящую трагедию жертвам заговора уже читал действительно не Пушкин.

5. Ахилл в вертепе Кентавра

Более понятными стали и два вопроса, изложенные потом в письме Н.И.Гнедичу 23 февраля 1825 года. Но особенно понятным — до прозрачности становится «Послание Гнедичу», которое относится к 1832 году.

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали…

За семь лет да этого послания:

«Брат говорил мне о скором совершении вашего Гомера. Это будет первый классический, европейский (заметьте, не русский, а европейский: прим. авт) подвиг в нашем отечестве (и, вдруг, странная добавка: авт.) — чорт возьми это отечество».

На первый взгляд, в послании Гнедичу много иронии. Но это только на поверхностный взгляд тех, кто не желает вникнуть в суть борьбы различных кланов и группировок вокруг всегда политически острого творчества Пушкина.

И светел ты сошёл с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? Ты нас обрёл в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаяся лучей
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?

Вот как эта легенда о взаимоотношениях народа Израиля и его бога передана в Библии (Второзаконие, глава 9) в изложении *от имени*[1] пророка Моисея:

Второзаконие 9, 15-17.

«15 Я обратился и пошел с горы, гора же горела огнём; две скрижали завета были в обеих руках моих;

16 и видел я, что вы согрешили против Господа, Бога вашего, сделали себе литого тельца, скоро уклонились от пути, которого [держаться] заповедал вам Господь;

Это — главная причина, почему теория «пасионарности» пропагандируется в качестве одного из достижений советской науки, ранее якобы скрывавшегося от народов ретроградами.

Кроме того, “еврейский народ” на протяжении двух тысячелетий демонстрирует ничем неистребимую “пассионарность”, что льстит чувству “богоизбранности” сионо-интернацистов. Неистребимость его «пассионарности» является исключением из общего правила («пассионарность этноса» согласно теории выгорает примерно за 1200 лет), причины чего Л.Н.Гумилёв не потрудился объяснить.

В материалах Концепции общественной безопасности более обстоятельно о «теории пассионарности» см. работе ВП СССР “Мёртвая вода”.

[1] В материалах Концепции общественной безопасности этот эпизод библейской истории разсмотрен в работе ВП СССР “Синайский турпоход”.

17 и взял я обе скрижали, и бросил их из обеих рук своих, и разбил их пред глазами вашими».

В послании Гнедичу хорошо просматривается некоторая ирония в отношении мифологизированного сознания иудеев. И даже если он и соглашается в своём письме с Гнедичем в «*отношении сходства песенной поэзии обоих народов*», то причины к созданию мифов еврейского и греческого народов он видит «*совершенно различными*».

Попробуем разобраться в подлинных причинах создания «песенного эпоса древних иудеев» — и прежде всего претендующего на этот статус — Ветхого Завета. Зачастую причины религиозных воззрений народов лежат в сфере социально-экономического характера.

Отвечая Гнедичу на вопрос: «Разбил ли ты свои скрижали?» — Пушкин по сути говорит об истинных причинах создания Библии, ибо, именно в ней многие исторические события искажены, дабы утаить истинную цель её создателей. У Пушкина есть своё понимание истинных целей тех, кто опекал Моисея:

О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой
Ты любишь гром небес, а также внемлешь ты
Жужжанью пчёл над розой алой,

О том, как любят уходить в «тень долины малой», т.е. прятаться за спины других деятели, имена которых, в отличие от имени Моисея, не сохранились, распространяться не стоит. А вот что означает выражение «но также внемлешь ты жужжанью пчёл» в контексте послания пояснить следует.

В год написания «Послания» Пушкин специальным письмом сетует А.Х.Бенкендорфу:

«… литературная торговля находится в руках издателей “Северной пчелы”; критика, как и политика, сделались их монополией. От сего терпят бедственный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских отношениях с издателями “Северной пчелы”.»

Кто же эти издатели? Они хорошо известны: Булгарин, Греч, Сенковский — именно они были инициаторами литературной травли Пушкина. Поэтому поэт с иронией далее продолжает:

Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены
И улыбается забаве площадной,
И вольности лубочной сцены.

Очень актуален в этой части Пушкин и останется актуальным до тех пор, пока дух торгашества не будет изгнан из цеха литераторов и других творческих работников. Ведь и в наше время всегда есть те, кто готов писать о чём угодно, лишь бы хорошо платили. О таких Пушкин замечает:

То Рим его зовёт, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной лёгкостью меж тем летает он
Вослед Бовы или Еруслана.

«Скалы старца Оссиана» — выражение, используемое как правило, с иронией в отношении больших затратам без всякой пользы. Хорошо известно, что представители «богоизбранной нации» много преуспели в миссии не только «экономических», но и «культурных» посредников между различными народами. В любом случае они всегда имели от этой миссии прямой гешефт. Так было во времена Пушкина, ничто не изменилось и в наши дни. Гинзбург, Маршак, Пастернак больше преуспели в переводах, чем в собственном творчестве.

Однако, роль культурного посредника много сложнее роли торгаша. Она требует не просто хорошего знания языка, но ещё и глубинного освоения духовных корней народа, в культуре которого пытается творить посредник, поскольку *«… язык — это не только словарь,*

но и сущность. Не способ общения, но нация, то есть национальная культура, такая же органичная как род, племя».[1]

Вот только один пример.

Советский читатель знаком с сонетами Шекспира во многом благодаря переводам С.Я.Маршака. Сонет № 146:

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной,
А тратишься на роспись внешних стен.

А вот хорошо известное начало пушкинского «Пророка»:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Понятно, что слова «дух», «духовный» в русском и английском национальном восприятии не могут отличаться сильно друг от друга. Но, если для англичанина, употребляющего универсальный глагол «to want» (хотеть, желать, нуждаться) простительно не отличать оттенки между «жаждой» и «нуждой», то словосочетание «*духовная нужда*» — не может не резать слуха русского человека

Пушкин это прекрасно чувствует и потому в уже упомянутом выше письме Гнедичу, задорно и с иронией вопрошает переводчика:

«Но, отдохнув после Илиады, что предпримите Вы в полном цвете гения, возмужав в храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра?»

«Почему с иронией?» — спросит возмущенный читатель.

По преданию, отец Ахилла Пелей, отдал сына на возпитание своему другу, кентавру Хирону. А кормил Хирон Ахилла *мозгами медведей* и печенью львов.

Все слова, аллегории, метафоры не случайны эпистолярном наследии Пушкина. *Читать* его письма мало; необходимо ещё знать столько, сколько знал Пушкин, чтобы *прочесть* эти письма. И в его письмах иногда важно не только слово, но даже буква, а потому понять истинную оценку, которую она даёт своим респондентам — не просто.

«Я жду от Вас эпической поэмы, — обращается он к Гнедичу с требовательной укоризною, — “Тень Святослава скитается не воспетая”, — писали Вы мне когда-то. А Владимир? А Мстислав? А Донской? А Ермак? А Пожарский?»

Так Пушкин даёт понять, что в России своих героев достаточно: их не меньше, чем в Греции или в древнем Израиле или Иудее — и далее — одной лишь буквой он всё ставит на место: «История народа принадлежит Поэту».

Внимательно изучая переписку Пушкина, нам ни разу не удалось встретить (за исключением данного письма), чтобы слово «поэт» было написано с большой буквы. В данном случае Пушкин даёт понять Гнедичу, что возпеть историю своего народа (а не перевести чужие песни), дано лишь большому поэту, и тогда выражение «в полном цвете гения» рядом с «Поэтом» звучит почти как насмешка.

«Специалисты-пушкиноведы» обольют дилетантов[2] ядом презрения за такую «насмешку» и приведут тьму аргументов, доказывающих исключительно уважительное отношение Пушкина к Н.И.Гнедичу. Но интересно, как бы они прокомментировали такую оценку Пушкиным перевода «Илиады», сделанные Гнедичем:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,

---

[1] В.Иванов «Золотая цепь времён».

[2] Одно из определений: «дилетант» — это любитель, который легко делает то, чего не могут профессионалы.

Боком одним с образцом схож и его перевод.

И всё-таки, без понимания всех обстоятельств и связанного с ними времени, даже обращение типа «*милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин*» к главе третьего отделения А.Х.Бенкендорфу мало что может прояснить. А вот три строчки «Евгения Онегина» с необычным пушкинским примечанием дают убедительные доказательства насмешливого отношения Первого Поэта к поэтическим упражнениям Н.И.Гнедича. Итак, хорошо известное хрестоматийное начало сорок седьмой строфы первой главы романа:

Как часто летнею порою
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою…

— неожиданно для читателя сопровождается поразительно многословным Примечанием:

«*Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича*:

Вот ночь; но не меркнут златистые полосы облак.
Без звёзд и без месяца вся озаряется дальность.
На взморье далёком сребристые видны ветрила
Чуть видных судов, как по синему небу плывущих.
Сияньем безсумрачным небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока:
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро. — Была то година златая,
Как летние дни похищают владычество ночи;
Как взор иноземца на северном небе пленяет
Слиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестям северной девы;
Которой глаза голубые и алые щёки
Едва оттеняются русыми локон волнами.
Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят
Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени;.
Тогда Филомела полночные песни лишь кончит
И песни заводит, приветствуя день восходящий.
Но поздно; повеяла свежесть на невские тундры;
Роса опустилась ....
Вот полночь: шумевшая вечером тысячью весел,
Нева не колыхнет; разъехались гости градские;
Ни гласа на бреге; ни зыби на влаге, все тихо;
Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою;
Лишь крик протяжённый из дальней промчится деревни,
Где в ночь окликается ратная стража со стражей,
Всё спит.....................»

Ну, как? Понятно, что тяжело читать столь напыщенное, да ещё гекзаметром изложенное описание белых ночей. Как правило, кроме специалистов, никто его и не читает. Но уж, пожалуйста, потрудитесь прочесть полностью, так как сам Пушкин, ценивший «краткость, как сестру таланта» не только прочёл, но и переписал всю эту поэтическую вычурность в примечание. Зачем? Нам представляется, — с единственной целью — показать, *как писать не следует*. Предметный урок не только для его современников, но и потомков. А что касается «насмешки», то здесь лучше, чем наш современник — русский поэт А.Горбунов, пожалуй, и не скажешь:

Пытаясь тщетно перенять
Чужих мелодий завитушки,
В трясине квакают лягушки…
Им тоже хочется летать![1]

Ну, а в конце письма Гнедичу — о самой торгашеской сущности, о том, во имя чего пишутся сами «песни» и «остроумные предисловия» к ним.

«Когда Ваш корабль, нагруженный сокровищами Греции, входит в пристань при ожидании толпы, стыжусь говорить о моей мелочной лавке № 1. Много у меня начато, ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемены погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что Вы мало печатаете».

Тут что ни слово, то загадка, однако, понять можно — при желании. *«Корабль, нагруженный сокровищами»* — может быть только *торговым* кораблем, а лавка, хоть и «мелочная», но всё-таки под номером «первым». Каково?! Здесь «унижение паче гордости» и… обвинение в торгашестве.

«Ну, уж и обвинение, да ещё и в торгашестве», — возмутится проницательный читатель.

«Именно в торгашестве», — поскольку Пушкин, может один из немногих современников, обладая прозорливостью гения, прекрасно разбирался не только в художественный достоинствах Библии, но понимал и социально-экономические причины её создания.

«В начале было дело»[2], — к такому выводу приходит Фауст у Гёте, постигнув глубинную сущность самого эзотерического произведения «Нового Завета» — «Евангелие от Иоанна»[3]. Пушкин не вступал в «единоборство с Гёте», как это посчитал В.Бурсов[4]. Пушкин пошёл дальше Гёте и при внимательном ознакомлении с Ветхим Заветом, назвал это «дело» — «торговым», о чём и высказался в комментируемом здесь письме Н.И.Гнедичу от 28 февраля 1825 года. Если у кого-то есть сомнения на сей счёт, — пусть внимательно прочтёт первую книгу Торы — «Бытие», после чего получит убедительное доказательство того, что вся она пронизана славословием духу торгашества. Истории, так красочно в ней описанные, внушают читателю, что *продаётся и покупается всё*: от права первородства и отеческого благословения отдельной личности до свободы целого народа. В данном случае — египетского. Цены устанавливаются соответственно: от тарелки чечевичной похлёбки до собственной родной земли.

«И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что продали египтяне каждый своё поле; ибо голод одолевал их» (Бытие, 47:20).

«Да разбирался ли Пушкин в экономике?» — возразит читатель-скептик.

Есть прямые свидетельства интереса поэта к трудам его современников-экономистов. Что же касается самих проблем экономики, то представляется, изучал он их — «по первоисточникам», а не по газетным статьям. Так, характеризуя познания Онегина в этой области, он словно бы мимоходом замечает:

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет
И чем живёт и почему
Не нужно золото ему
Когда ***простой продукт*** *имеет.*

---

1 А.Горбунов, «Перекаты», Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988 г.

2 В начале было Предопределение.

3 Латинское «verb» — одновременно «слово» и «дело». Отсюда мучения Гёте при переводе с латыни на немецкий начала «Священного писания».

4 «Литературная газета», № 22, от 1 июня 1988 года, статья В.Бурсова — «Наедине с Пушкиным».

«Простой продукт» выделено петитом самим поэтом не случайно, что говорит о его глубоком знании предмета не в пример многим нашим современникам, считающим, что рост сбережений населения, а не «простого продукта», годного к употреблению, свидетельствует о том, что «государство богатеет». На самом деле данный факт говорит лишь о росте инфляции в стране, в которой кредитно-финансовая система (КФС) замкнута по отношению к глобальной КФС.

Ну, это все свидетельство негативного отношения поэта к «культурному» посредничеству представителей «богоизбранной» нации. Что ж, есть в письмах Пушкина недвусмысленное выражение такого отношения и к их «экономическому» посредничеству.

В феврале 1825 года в письме к брату Л.С.Пушкину из Михайловского:

«У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принуждён был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен я был вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от неё худеть. Я велел Розе подать мне счёты. Она показала мне, что за два года (1823 и 4) ей ничего не платили(?). И считает по 200 руб. на год, итого 400 рублей, — По моему счёту ей следует 100 руб. Наличных денег у ней 300 р. Из оных 100 выдам ей, а 200 перешлю в Петербург. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено ли что-нибудь в эти два года. Я нарядил комитет, составленный из Василья, Архипа и Старосты. Велел перемерить хлеб и открыл некоторые злоупотребления, т.е. несколько утаенных четвертей. Впрочем, она мерзавка и воровка. Покамест я принял бразды правления».

Факт примечательный. Многие русские дворяне имели в качестве управляющих своих имений евреев, и не было более «страшных посредников», чем эти хитрые и изворотливые дельцы, прекрасно знающие конъюнктуру торгового дела в России. Многим «высокородным» помогли они разорится, а себе составить изрядный капитал. Не удивительно, что и у Пушкина были причины относиться к ним с большим недоверием и презрением.

В сентябре 1832 года поэт в Москве по делам наследства своей жены у П.В.Нащокина. Он регулярно пишет Наталье Николаевне и делится своими впечатлениями о нравах московского дворянства:

«Нащокин мил до чрезвычайности. У него проявились два новые лица в числе челядинцев. Актёр, игравший вторых любовников, ныне разбитый параличом, и совершенно одуревший, монах, *перекрест из жидов*, обвешанный веригами, представляющий нам в лицах *жидовскую синагогу* и рассказывающий нам соблазнительные анекдоты о московских монашенках, (…) Каков отшельник? Он смешит меня до упаду, но не понимаю, как можно *жить окружённым такою сволочью*».

Да, что и говорить, эпитеты далеко не лестные по отношению к представителям «богоизбранного» народа. Если же привести здесь некоторые оценки, дающие представление о его понимании «еврейского вопроса», не потерявшего актуальности и в наши дни:

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы, поют играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают[1]*,*

— то при желании, можно даже обвинить Пушкина в антисемитизме. Однако достаточно ознакомиться с его эпиграммой на Булгарина, чтобы убедиться, что такое обвинение не выдерживает никакой критики:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;

[1] Стихотворение А.С. Пушкина — «Гусар».

Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Нет, не по национальному признаку отрицал Первый Поэт России представителей «богоизбранного» народа. На то были особые причины, которые можно понять, познакомившись с нравственными установками Пушкина, изложенными в письме к Л.С.Пушкину в октябре 1822 года.

В нём поэт даёт советы вступающему в жизнь младшему брату. Не стоит забывать, что советы эти следует отнести на счёт представителей «высшего света», т.е. того круга людей, от которого зависела карьера молодого дворянина.

«Тебе придётся иметь дело с людьми, которых ещё не знаешь. С самого начала думай о них всё самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибёшься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен благородно и отзывчиво и, сверх того, ещё молодо; презирай их самым вежливым образом: это — средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет[1]. Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать её в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унизить, когда мы меньше всего этого ожидаем. Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и стихийно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить по себе о других. Никогда не принимай одолжений. Одолжение, чаще всего, — предательство. Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает[2].

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий[3].

То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако, забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.[4]

Никогда не забывай умышленной обиды, — будь немногословен или смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление[5].

Если средства и обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений, скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения[6]».

---

[1] Здесь налицо оценка уровня правосознания самого правящего класса и умение подняться над стереотипами поведения своей среды. Другими словами, речь идёт о презрении к людям, стоящим у власти не по заслугам своим перед обществом, а по положению в обществе. Отсюда и характер советов брату.

[2] Да, Пушкин — наш современник. Многим, вступающим сегодня на тропу делания карьеры, имеет смысл вспомнить эти советы.

[3] Удивительно, насколько он внимателен и осторожен и, несмотря на своё глубокое понимание жизни, не чужд сомнений. Но особенно поразительно следующее.

[4] Всего несколько строк, но как много содержательно важного для становления нравственности молодого человека сказано. Здесь понимание того, что общение с женщиной — это всегда общение с другим, неизвестным миром и потому личный опыт, личное восприятие для другого ничего не значат. Многие склонны считать Пушкина «ловеласом», но данное здесь определение этому занятию, как «*забаве, достойной старой обезьяны*» не требует пояснений.

[5] Это правило говорит о высоком чувстве собственного достоинства, из которого естественно следует необходимость отстаивать свою честь, а также честь тех, чьим защитником ты являешься.

[6] Это правило следует признать высоконравственным не потому; что поэт проповедует в нём цинизм, а потому, что оно даёт возможность, особенно в молодости, правильно выстроить взаимоотношения отдельной личности с большинством, мораль которого не воспринимается его чувством совести. К сожалению, очень часто, подчиняясь чувству стадности, молодой человек (и не только молодой) идёт на компромисс с нравственными установками, чуждыми ей.

Задолго до Ганди Пушкин не только знал, но и действовал в соответствии с правилом, гласящим: «*В вопросах совести закон большинства ничего не решает. Вопросы совести проверяются временем*».

И заканчивает это письмо Пушкин советом:

«Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и, во всяком случае, она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным иди прослыть таковым. Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к тому вынужден».

Столь подробное изложение этих правил нам представляется необходимым, во-первых, потому что в них виден человек в 23 года сформировавшийся совершенно, а, во-вторых, благодаря этим правилам, можно лучше понять неприятие Пушкиным той нравственности, которая отчуждает человека от его человеческой сущности. Корни этого отчуждения лежат в духе торгашества, который формируется в человеке под воздействием практической потребности и своекорыстия.

6. А.С.Пушкин — «К еврейскому вопросу»

Пусть читателю не покажется странным, но современниками Пушкина были не только Гёте и Карамзин, но и Маркс. Прокомментированное выше «Послание Гнедичу», написанное в 1833 году, увидело свет лишь в 1841 год. Через два года двадцатипятилетний Маркс напишет работу «К еврейскому вопросу», в которой он специально заострит внимание на духе торгашества, который свойственен еврейству. Но то ли он действительно не понимал, то ли не захотел понять того, что до него уже понял Первый Поэт России: источником духа торгашества является Библия. Будучи внуком двух раввинов Маркс, конечно знал «Ветхий» и «Новый» заветы, а занимаясь исследованием законов развития общества, должен был бы понимать и социально-экономические причины, побудившие хозяина еврейства к созданию Библии. Но уже в самом начале статьи Маркс даёт читателю понять, что не будет искать источника духа торгашества в Библии:

«Поищем тайны еврея не в его религии, — поищем тайны религии в действительном еврее».

И после такого введения переводит решение вопроса в чисто мирскую область:

«— Какова мирская основа еврейства?» — спрашивает Маркс и сам себе отвечает:

— Практическая потребность, *своекорыстие*.

— Каков мирской культ еврея?

— *Торгашество!*

— Кто его мирской бог?

— *Деньги!*

— Что являлось, само по себе, основой еврейской религии?

— Практическая потребность, эгоизм![1]

Деньги, — продолжает Маркс, — это ревнивый бог Израиля, перед лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они потому лишили весь мир — как человеческий мир, так и природу их собственной стоимости. Деньги — это отчуждённая от человека сущность труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком и человек поклоняется ей».

Однако, деньги, сами по себе (и кредитно-финансовая система, основой которой они являются) не могут быть ни плохими, ни хорошими, поскольку в процессе продуктообмена они действительно являются всего лишь «отчуждённой от человека сущностью» — своеобразной технологической средой. А вопрос, на который Маркс почему-то не захотел ответить, совсем в другом — что это за мировоззрение, на основе которого сформировалась кредитно-

---

Поэт понимает, как трудно в подобных обстоятельствах выбрать верную линию поведения и потому подчеркивает «*скорее избери другую крайность*», давая тем самым понять, что предлагает не самое верное средство, а лишь из всех зол меньшее, но уж достаточно определённое, потому что другая крайность «*мелочные ухищрения тщеславия*», по его мнению, делают человека «*смешным и достойным презрения*».

[1] Слова: своекорыстие, торгашество, деньги, — Маркс выделил курсивом.

финансовая система, обращающая в рабство всех людей, в том числе и евреев, после чего «эта чуждая сущность начала повелевать человеком и человек стал поклоняется ей». В отличие от Маркса, Пушкин хотя и опосредованно (насколько позволял жанр пьесы) — в поэтической форме ответил на этот вопрос и показал, что такое мировоззрение формируется Библией.

Так в «Скупом рыцаре» он даёт портрет не просто еврея-аптекаря, любящего деньги, но и ростовщика Жида, который делает деньги «из воздуха». И хотя внешне в сцене встречи ростовщика-жида с рыцарем Альбером всё происходит почти как у Маркса,

ЖИД

Деньги? — деньги
Всегда, во всякий возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных
И, не жалея шлёт туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надёжных
И бережёт их, как зеницу ока.

АЛЬБЕР

О! Мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит,
И как же служит? как алжирский раб,
Как пёс цепной.

— тем не менее, за 14 лет до Маркса Пушкин в этой «маленькой трагедии», обвинив в безчеловечном заговоре жида-ростовщика с жидом-аптекарем, ответил на вопрос о природе мировоззрении, которое формирует такие психологические типы. Уверенный в могуществе денег, ростовщик-еврей предлагает рыцарю услуги жида-аптекаря.

ЖИД

Смеяться вам угодно надо мной —
Нет; я хотел… быть может, вы… я думал,
Что уж барону время умереть.

АЛЬБЕР

Как! отравить отца! и смел ты сыну…
Иван! держи его. И смел ты мне!…
Да знаешь ли, жидовская душа.
Собака, змей! что я тебе сейчас же
На воротах повешу.

По сути Пушкин здесь выносит смертный приговор ростовщичеству, а два года спустя — в «Подражании Данте» — объясняет, почему приговор так суров:

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок под себя поджав копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копчёное корыто,
И лопал на огне печёный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Вергилий мне: «Мой сын, в сей казни смысл велик;
Одно стяжание имев всегда в предмете,

Жир должников сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на нашем свете.

Согласитесь, что такие оценки Марксу не под силу.

Обращая внимание на роль денег в человеческом общении, мы это делаем не случайно, поскольку сегодня явно просматривается политика на усиление роли этой *«отчуждённой сущности бытия»* в качестве приоритетной общественной ценности и потому хотелось бы, чтобы руководство страны предвидело возможные последствия такого понимания нравственности.

«Воззрение на природу, складывающееся при господстве частной собственности и денег, есть действительное презрение к природе, практическое применение её; природа хотя и существует в еврейской религии, но лишь в воображении».

И всё-таки Марксу в статье «К еврейскому вопросу» не удалось совсем обойти вниманием еврейскую религию:

«То, что в еврейской религии содержится в абстрактном виде — презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку, как самоцели, — это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью».[1]

Из той же работы Маркса можно понять, почему евреи, как правило, являются всего лишь интерпретаторами чужого и редко способны создавать своё в силу религиозных воззрений, свойственных их атеизму, из которого и следует «презрение к теории, искусству, истории». И Маркс (был моложе Пушкина на 19 лет), словно следуя за великим русским поэтом, пытается объяснить, почему «корабль Гнедича» может перевозить лишь «чужие сокровища».

Чтобы «возпеть тень Святослава, Владимира или Мстислава», мало питаться «мозгами медведей», надо быть ещё и в душе русским.

«Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека», — заключает Маркс.

Понятно, напиши что-либо подобное русский иди представитель любой другой нации в наше время, а не 150 лет назад, ярлык националиста, шовиниста и антисемита ему был бы обезпечен. Но главное другое — это никогда не только не могло бы быть напечатано многомиллионными тиражами, но и никогда не увидело бы света, как и многое из того, что написано Пушкиным, окажись он нашим современником. Но еврей Маркс, который как никто знал еврейство, имел право даже на такую характеристику:

«Еврейство не могло создать никакого нового, мира; оно могло лишь вовлекать в круг своей деятельности новые, образующиеся миры и мировые отношения, потому, что практическая потребность, рассудком которой является своекорыстие, ведёт себя пассивно и не может произвольно расширяться; она (практическая потребность) расширяется лишь в результате дальнейшего развития общественных отношений» (К.Маркс, Ф.Энгельс, Соч., т. 1, стр. 411).

Это высказывание Маркса следует понимать как своеобразное пояснение Пушкину тщетности того, чего ожидал он услышать от Гнедича. Разумеется, что Пушкин, как и Маркс, отрицая еврея не по национальному признаку, а по тому духу практической потребности, эгоизму, который всегда сопутствует торгашеству, сумел почувствовать этот дух торгашества сквозь красивую масонскую упаковку, на которой в виде рекламы привлекательно смотрелись лозунги *свободы, равенства и братства*.

Ещё в начале XIX века он понял, что «груз богатый шоколата» — не для русского народа. Ну, а болезнь, даже «модная», если она к тому же ещё и «подарена» — так, что с того; кто ею заболел — переболеет да и поправится (если не помрёт). Поэт понимал, что России нужно лекарство от своих собственных болезней, а чужие, да ещё «модные»?

«Всё утопить», — решает пушкинский Фауст.

Исторические пути движения в Россию носителей «модной болезни» были хорошо известны Пушкину. Реальные же, то есть экономические причины их миграции из Испании сто-

---

[1] Всё цитируется по второму изданию Собрания сочинений: К.Маркс, Ф.Энгельс, т.1, стр. 408, 413.

летие спустя в художественной форме последовательно изложит большой популяризатор космополитизма в «Испанской балладе»[1] — Лион Фейхтвангер.

«Корабль испанский трехмачтовый» — это галион, единственный из всех кораблей того времени, силуэт которого при взгляде со стороны борта ассоциируется с семисвечником — символом масонства.

Все знают, что Пушкин в процессе работы над своими произведениями, часто набрасывал пером довольно тонкие по содержанию рисунки. Мог рисовать и испанский галион, а поскольку, в период работы над Фаустом, изучая по Библии масонские легенды и будучи превосходным мастером сравнений, он мог обратить внимание и на некоторое сходство масонского символа с силуэтом корабля. Отсюда — «корабль испанский трехмачтовый» — галион, а не каравелла (на каравелле 300 человек никак не разместить). Но даже если Пушкин и не рисовал кораблики, и не делал осознанно такого намёка, то приведённая ассоциация — «галион — семисвечник» — объективная данность по количеству наличествующих в силуэте галиона выступающих частей: от кормы к носу — 1) вершина кормового флагштока, 2) вершина бизань-рея, 3) вершина бизань мачты, 4) вершина грот-мачты, 5) вершина фок-мачты, 6) вершина мачты на бушприте (бонавентур-мачта — вышла из употребления в XVII веке), 7) knявдигед (называвшийся в Испании «галионом», что и дало название классу судов), — наделка на корпусе приблизительно на уровне верхней палубы в форме площадки, выдающейся по направлению в нос под бушпритом, которая была на галионах очень длинной (вышла из употребления во второй половине XIX века, успев дать название «гальюн» корабельному отхожему месту, поскольку использовалась не только для работ с парусами на бушприте, но и для отправления физиологических надобностей).

После изгнания из Испании, евреи с награбленным, благодаря торговле вообще и золотом в особенности, действительно, большей частью бежали морем в Голландию и оттуда уже разпространились по Европе. В Россию они двигались, в основном, через Польшу.

Да, с Польшей у России всегда были отношения довольно сложные. В литературном деле поляки, а вернее польские евреи, в тридцатые годы прошлого века, играли особенную роль. В этой связи, здесь уместно привести примечание к статье В.Ф.Одоевского «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина»:

«Тогдашняя “Северная Пчела”, вообще весьма любопытная, вся наполнена такими штучками. Поляки крепко стояли друг за друга. Вновь появившаяся в недавнее время странная мысль о превосходстве какого-то польского шляхетского просвещения над русским постоянно уже проводилась тогда в разных видах. Тогдашняя цензура не обратила на это внимание, и издания вроде “Северной пчелы” считались тогда самыми благополучными. Такой взгляд цензуры давал этим изданиям возможность сколь возможно чернить всё русское, а в особенности писателей, не принадлежавших к польское партии. Недаром поляков воспитывали иезуиты», — заканчивает В.Ф.Одоевский.

В начале «Размышлений» было приведено одно изречение, которым неоднократно в своих работах пользовались основоположники научного коммунизма, мечтавшие о создании на земле высоконравственного общества. Это изречение мы имели смелость назвать антибиблейским не в силу наших атеистических убеждений, а потому, что увидели социально-экономические причины создания Библии, т.е. увидели в ней выражение реальных интересов тех, кто ещё на заре человеческой цивилизации поставил своей целью сделать *«мирского бога — деньги — всемирным богом».*

«Безнравственные средства не могут привести к нравственной цели». Этого принципа во все времена придерживались все, кто определял истинную ценность тех или иных событий в истории не по словам, а по делам исполнителей. При этом форма подачи всякой идеи могла меняться в зависимости от особенностей таланта художника, как, например, у Ф.М.Достоевского:

«Все счастье мира не стоит одной единственной слезы ребёнка».

---

[1] Лион Фейхтвангер — автор романов «Иудейская война» и «Испанская баллада», и весьма полезной для понимания *той* эпохи книги «Москва 1937. Отчёт о поездке для моих друзей ».

Содержание — никогда.

7. Историк строгий гонит нас…

Конечно, историю творят народы, но пишут — индивиды. И не всегда, как мы уже не раз убеждались, в отечественной, особенно послереволюционной истории, в документах (литературных и исторических) эти индивиды выражают интересы народа. Зачастую — это своекорыстные, эгоистические интересы определённых социальных групп и кланов. Изложенные в высокохудожественной форме и талантливо, они имеют одну лишь цель — затмить свет истины. Такие «творцы истории» видят в народах стадо баранов, недостойных приобщения к свету истины[1]. И можно безконечно поражаться прозорливости поэта, его последовательности в деле разоблачения спекулятивных приемов мифотворчества, культотворчества, боготворения. Сегодня, когда наша пресса взахлёб и с каким-то даже сладострастием творит из бывшего культа «отца народов» — культ «злодея народов», смешивая причинно-следственные обусловленности бытия и упорно скрывая главное — обыкновенную, и в чём-то даже трагическую сущность человека, который в труднейший период становления Русской цивилизации, своей волей предотвратил её распад, сравните, как Пушкин в гениально-кратком произведении с ироническим названием «Герой» разоблачает культовую возню, а главное, показывает истинный, неприкрытые цели «поэтов», которые то ли по недомыслию, то ли из циничных соображений занимаются не нужным народу боготворением. И совсем неважно, что у Пушкина в споре «друга» с «поэтом» предметом исследования является Наполеон, а в спорах наших современников о роли личности в истории — Сталин. Важнее другое — эпиграфом к «Герою» взят евангельский вопрос: «Что есть истина?»

Да, слава в прихотях вольна,
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.

Так, несколько отстранено, начинает «Друг» разсуждения о внешних проявлениях «культа», после чего объясняет — пока ещё не причины, а лишь опасные последствия циничного манипулирования сознанием масс:

За новизной бежать смиренно,
Народ безсмысленный привык,
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.

Многие за годы перестройки уже успели убедиться, что не всякая «новизна» идей является признаком их адекватности жизни, а народ, бездумно бегущий за «новизной», действительно становится «безсмысленным народом», то есть толпой. И Пушкину (здесь он выступает в роли «Друга») здесь важно вскрыть механизм превращения народа в толпу и потому он задаёт вопрос «Поэту», бездумному почитателю нового «культа».

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?

И «Поэт» отвечает, что его воображение более всего поражено тем, как «Герой»

Нахмурясь, бродит меж одрами
И хладно руку жмёт чуме

---

[1] Как некогда заметил М.Сервантес, «лживый историк достоин казни как фальшивомонетчик».

И в погибающем уме
Рождает бодрость…

При этом «Поэт» уверен, что увековечивание в стихах такого поступка «героя» сделает и поэта, и героя великими на века, но на заливисто-восторженную тираду «Поэта» «Друг» сначала указывает на истинных «пастухов» обоих (поэта и героя):

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!

— а затем даёт представление о подлинных целях «строгих историков» — скрыть свет истины:

Увы! Его раздался глас —
И где ж очарованье света!

(Важно, что в конце этой утверждающей фразы стоит восклицательный, а не вопросительный знак).

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не довёл «исследование» до конца. Есть много современных «пушкинистов», навязывающих читателю версию о незаконченности, фрагментарности отдельных произведений Пушкина. Нет, Пушкин, как никто, вполне владел тайной завершения любого своего творения. И здесь он совершает почти невозможное — показывает как всякий почитатель «культа», хочет он того или нет, невольно становится циничным «писакой», который ставит «возвышающий обман» в основополагающий принцип своего творчества, т.е. превращается в исполнительного борзописца «строгого историка».

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной
Он угождает праздно! Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман…

Последние слова «Поэта» — подлинный образец саморазоблачения.

И, не оставляя сомнений в цинизме своих намерений, понимая, что без необходимого камуфляжа его «Герой» предстанет в глазах «посредственной толпы» непривлекательно, вдруг в растерянности возклицает:

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран…

Последнее слово за «Другом», т.е. за Пушкиным:

— Утешься… —

Ведь всё сказано почти за сто лет[1] до того, как наши фидеисты приступили к сотворению «положительного» культа Сталина, а полвека спустя — они же, в соответствии с требованиями времени, — культа «отрицательного».

Портрет Сталина, который нам рисуют сейчас средства массовой информации (очень любопытны в этом плане детско-арбатские сказки[2]) — сделан по известному шаблону, который разсмотрен нами выше при анализе психологического портрета царя Ирода Великого. Грубая работа — слишком хорошо видны «ослиные уши» хозяев таких борзописцев.

---

[1] Стихотворение А.С.Пушкина «Герой» написано 29 сентября 1830 года в Москве.

[2] Роман “Дети Арбата” А.Рыбакова был очень популярен в среде интеллигенции в годы перестройки.

8. Пушкин и «ток истории»

Немногим личностям, даже широко образованным и наделённым от природы глубочайшей проницательностью, удавалось понять подлинное течение «тока истории»[1], прикосновение к которому всегда было небезопасно. Что касается «современной истории», то в отношении её Б.Пастернак как-то заметил, что «*современная история есть изоляция на проводе: электрическому току она не помеха*». В такой «искренности» просматривается некоторый цинизм: профаны (по терминологии масонов — непосвященные) не поймут, а придёт время и меткое определение вместе с автором останется на скрижалях истории. Одновременно это и предупреждение всем прошлым и будущим «ясновидцам», что прикосновение к «току истории», т.е. «нарушение её изоляции» — смельчаку может грозить гибелью.

В России таких, имевших смелость прикоснуться к «току истории», было немного и как правило, после их гибели, так называемое «общественное мнение», тщательно охраняющее изоляцию «тока истории», вешало на них ярлык — «сам смерти искал, да ещё предсказывал её в своём творчестве», или «имел неуравновешенный характер», жертва «злого рока — судьбы», «на гениях природа отдыхает» и т.д. По существу же вся их вина была в том, что они не желали соучаствовать в оболванивании народа «строгими историками».

Неслучайно в одном из своих писем М.П.Погодину Пушкин так прямо и заметил по этому поводу: «*Публика наша глупа, но не должно её морочить*».

Да, Пушкин и его современники были, судя по их жизни, диалектиками[2] более их потомков, которые так часто путают причины со следствиям. Достаточно вспомнить с какой ясностью вскрывал В.Ф.Одоевский истинные мотивы деятелей Французской революции 1791 года в своей статье «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе», написанной для пушкинского «Современника» в 1835 году:

«... литература вопреки общепринятому мнению, есть всегда выражение прошедшего. (…) В старой Европе ужасы конца XVIII столетия отозвались в нынешней литературе по той простой причине, почему идиллическая и жеманная поэзия прежнего времени отозвалась в век терроризма[3]».

И добавляет в примечании, что он имел в виду:

«Известно, что Робеспьер и компания писали нежные мадригалы».

Вот вам и образец применения диалектического метода при анализе реального участия личностей в конкретных исторических событиях. Жаль, что наши современники не обращают внимания на эту сторону «двигателей прогресса». Пушкин, разделяя данную точку зрения, оценил статью по достоинству:

«Думаю № 2 «Современника» начать статьею вашей дельной, умной и сильной».

В то время в журнале, редактируемом А.С.Пушкиным уже разворачивалась полемика между реалистами (в современной интерпретации — материалистами) и идеалистами.

«… совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм реальнее ихнего… Ихним реализмом — сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснить. А мы нашим идеализмом пророчим даже факты. Случалось».

Так Ф.М.Достоевский отвечал своим критикам на обвинения его в идеализме.

---

[1] Термин недавно введённый в одноименной статье Ю.Полякова в газете «Советская культура», от 10 ноября 1987 года.

[2] Диалектика изначально — метод выявления и понимания истины путём постановки вопросов в некоторой последовательности и нахождения ответов на каждый из них. В материалах Концепции общественной безопасности наше понимание диалектики изложено в работе «Диалектика и атеизм», спустя 13 лет после написания первотекста настоящих комментариев к «Сценам из Фауста».

[3] Иными словами терроризм одной эпохи — следствие ухода от реальной жизненной проблематики в идеализацию и «политкорректность» — «жеманство» в предшествующие эпохи.

Это тот самый Ф.М.Достоевский, который в 1871 году в письме Н.Н.Страхову из Дрездена, отвечая на его вопросы о Парижской Коммуне, словно перекликался с пушкинским «Андреем Шенье»:

«Они рубят головы — почему? Единственно потому, что это всего легче. (…).

Я обругал Белинского, более как явление русской жизни, нежели лицо: это было смрадное, тупое и позорное явление русской жизни. Одно извинение — в неизбежности этого явления. И уверяю вас, что Белинский примирился бы теперь на такой мысли: «А ведь это оттого не удалась Коммуна, что она всё-таки прежде всего была французская, т.е. сохраняла в себе заразу национальности. А потому надо приискать такой народ, в котором нет ни капли национальности и который способен бить как я свою мать (Россию). И с пеной у рта бросился бы вновь писать поганые статьи свои, позоря Россию, отрицая Великие явления её (Пушкина), — чтобы окончательно сделать Россию вакантною нациею, способную стать во главе общечеловеческого дела. Иезуитизм и ложь наших передовых двигателей он принял бы со счастием».

Если уж мы заговорили о мировоззрении и методах исследования истории, то пока можно принять как факт, то обстоятельство, что личности, обладавшие обостренным чувством диалектичности мира, могут предсказать (сосчитать) развитие событий иногда на столетия вперед. То есть будущее можно познать только на основе правильного анализа прошлого. Личность же, наделённая от природы обостренным чувством восприятия жизни на основе диалектического метода иногда будущее может и «сосчитать» и порою довольно точно — это в порядке вещей. А уж проверить насколько «сошёлся ответ», т.е. насколько реальная жизнь соответствует счёту — это наша задача. Но мы плохие ученики и, то ли по недомыслию, то ли по лености ума редко заглядываем в «возпоминания о будущем» «учебника жизни». Так, что упрёк Пушкина-Пророка своим современникам: «мы ленивы и нелюбопытны», — это упрёк и нам, его потомкам. Вот только один пример.

9. Троцкисты в селе Горюхино

«История села Горюхина» написана Пушкиным в 1830 году. Можно согласиться с В.Кожевниковым, работником Государственного музея им. А.С.Пушкина, что «История села Горюхина» — это история России, но… лишь наполовину. Пушкин не только и не столько отобразил историю прошлую, сколько «сосчитал» историю будущую. Это произведение, наряду с другими творениями Пушкина, следует понимать как завершённое. А незавершённым оно видится «пушкинистам-профессионалам» лишь потому, что творивший и толкущие творение, пользуются различной методологией: «пушкиноведы» разсматривают текст сам по себе в отрыве его от истории и политики. Судить же о завершённости или незавершённости произведения следует не по планам и замыслам творца, а по результату, т.е. самому произведению. Об этом знает каждый, кто хоть раз пытался писать самостоятельно, а не по заказу. Но слава Богу, Пушкин писал не для пушкинистов, а для России и её народа.

Но о чём же всё-таки писал Пушкин в «Истории села Горюхина» и почему мы считаем, что он «ведал»? Не будем навязывать своё мнение читателю, а сошлёмся лишь на Ф.М.Достоевского, который тоже здорово «ведал» и потому в своей речи на пушкинских праздниках в 1880 г. прямо заявил: *«Пушкин ещё впереди!»*

Итак, соотнесем написанное Пушкиным в «Истории села Горюхина» с событиями, происшедшими в России ровно сто лет спустя, т.е. в 1930 г.

«Мрачная туча висела над Горюхиным, и никто об ней не помышлял. В последний год властвования Трифона, последнего старосты, народом избранного, в самый день храмового праздника, когда весь народ шумно окружал увеселительное здание (кабаком в просторечии именуемое) или бродил по улицам, обнявшись между собою и громко воспевая песни Архипа Лысого, въехала в село плетёная крытая бричка, заложенная парой кляч едва живых; на козлах сидел оборванный жид, а из бричкпи высунулась голова в картузе и, казалось, с любопытством смотрела на веселящийся народ. Жители встречали повозку смехом и грубыми насмеш-

ками. (NB. Свернув трубкою воскрылия одежд, безумцы глумились над еврейским возницею и восклицали смехотворно: «Жид, жид, ешь свиное ухо!…» Летопись горюхинского дьячка)»

Удивительно, но Пушкин особо выделил, что правителя нового в Российское Горюхино привез еврей, а «безумцы» поначалу глумились над «еврейским возницею». Всякий знает — кучерами, извозчиками, евреи никогда на Руси (вне черты осёдлости) не были — не их профессия. Это, разумеется, аллегория, но совершенно особого рода, то есть — на уровне «ведовства».

Вот речь нового приказчика, которую автор назвал «краткой и выразительной»:

«Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народ избалованный, да я выбью дурь из ваших голов, скорее вчерашнего хмеля».

Или, к примеру, последний раздел, названный «Правление приказчика».

«Принял бразды правленая и приступил к исполнению своей политической системы; она заслуживает особого рассмотрения.

Главным основанием оной была следующая аксиома: чем мужик богаче, тем он избалованнее — чем беднее, тем смирнее.

Вследствие сего, старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели. Он потребовал опись крестьян, разделил на богачей и бедняков».

1. Недоимки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможной строгостию.

2. Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажаны на пашню, — если же по его расчёту труд их оказывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что они платили ему добровольную дань, отдаваемые в холопство имели полное право откупаться, заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк… Мирские сходки были уничтожены. Оброк он собирал понемногу и круглый год сряду.

Сверх того, завел он нечаянные сборы. Мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать, ни накопить достаточно денег. В три года Горюхино совершенно обнищало. Горюхино приуныло, базар запустел, песни Архипа-Лысого умолкли. Ребятишки пошли по миру. Половина мужиков была на пашне, а другая служила в батраках; и день храмового праздника сделался, по выражению летописца, не днем радости и ликования, но годовщиною печали и поминовения горестного».

Точка. И ещё строчка многоточия, свидетельствующая о том, что «История села Горюхина» на этом не кончается, но автор смог поведать её читателю только до этого момента. На сто лет вперед «сосчитал» Пушкин неплохо. И главного приказчика — Л.Д.Троцкого (а с ним и целую армию троцкистов), которого мировое еврейство ввезло в послереволюционную Россию и, разсмотрел и даже речи-приказы его «краткие и выразительные» услышал. Одной фразою напомнил об уничтожении демократии и про приёмы насильственной коллективизации, приведшие к обнищанию русского крестьянства, потомкам поведал.

Примеры такого «ведовства» — Пушкина можно множить безконечно, но известно, что «профессионалы-пушкинисты» навесят на них ярлык «домысла» дилетантов. Им простительно, ибо не ведают, что творят и не способны чувствовать жизнь, как таковую, и уж тем более не способны её адекватно отображать, поскольку им недоступна диалектика, как метод постижения жизни. Доказательства? Пожалуйста:

Один из самых известных и популярных в период 1920-х гг. метафизиков-идеалистов А.В.Луначарский[1], не ведая, что творит, так писал о Пушкине в одной из своих статей:

«Добролюбов не мог не понять, что Пушкин в иных случаях был фальшивым. Пушкин был человеком до чрезвычайности уживчивым со средой, показал себя способным к очень гибкому внешнему и внутреннему оппортунизму».

Каково! Вот вам, читатель, — ваш «живой Протей», каким его видели троцкисты, призывавшие сбросить Пушкина.

---

[1] В.И.Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» неоднократно критиковал А.В.Луначарского за «боготворение и богоискательство».

Первый нарком просвещения, никогда не понимавший диалектики, не понимал и того, что обострённое чувство диалектичности мира как раз и выражается в *чрезвычайной чуткости к изменению внешней среды*, т.е. реального мира. А гибкое реагирование на эти изменения есть доказательство владения диалектикой жизни, а не оппортунизма. Но люди, подобные Луначарскому, склонные к конформизму (перестроились внешне, после победы революции в России, но изменить своего мировоззрения оказались неспособны), всегда готовы, ловко жонглируя терминами и скользя по понятиям, приписывать свои недостатки другим, особенно своим идеологическим противникам.

Пушкин был не просто великий русский национальный поэт. Он одним из первых прикоснулся к «току истории» и погиб. Погиб, а не *«принял смерть ради сохранения некой тайны»,* как хотят нас уверить некоторые современные пушкинисты[1]. Пушкина уничтожили его идеологические противники за то, что он постоянно срывал покровы со всех и всяческих тайн.

Поначалу они считали, что он делает это по недомыслию, свойственному ребячеству гения, и пытались его приручить, вовлекая в масонские ложи. Но чем старше он становился, тем опаснее и острее становилось оружие гения. Он стал страшен своим ведовством и они убили его. Но за ним встали другие: Лермонтов, Тютчев, Достоевский, Есенин…

Русская земля богата «ведающими». Охранители же изоляции — «вольные каменщики» — и по сей день зорко следят, чтобы «ток истории» безпрерывно крутил их «главный двигатель прогресса» — деньги, эту «*отчуждённую сущность труда и бытия человечества*». К Пушкину у них особый счёт. Ведь он при жизни смело оголял «провода истории» и вот уже более полутора столетий им приходится много трудиться, заделывая изоляцию на этих проводах. Несть числа «торгующим электрикам» в храме Пушкина. Это о них В.Пикуль верно заметил в своём письме А.Гулыге:

«История в нашей стране вообще разработана безобразно плохо, мы мало что знаем (да и знать не желаем) — от этого здесь открытый простор для всяческого разбоя — и тактического, и стратегического. Главные разбойники устроили себе «малину» в Пушкинском доме, где громко чавкая, они жуют новиковых-радищевых, со смаком высасывая мозги из костей Пушкина и Льва Толстого, уже отполированные ими до нестерпимого блеска»[2].

Хотелось бы только к этому добавить, что, *не чувствуя и не понимая русского языка,* все эти гоцы, абрамовичи, эйдельманы, альшицы, лотманы, городины на «пиджин-русиш» разтолковывают русскому народу русского поэта и его эпоху. Желая «защитить» поэта от своего народа, Л.Васильева с неподдельным пафосом в вышеупомянутой статье «биография чуда» возклицает: *«Встань он сегодня, кого бы пришлось вызывать ему на дуэль, дабы защитить своё доброе имя от посягательств».*

А действительно, кого?

Радуясь, что не нашлись «утерянные» дневники поэта, автор статьи с облегчением извещает читателя: *«Хорошо, что нет дневника. Не будет шума вокруг того, что поэт доверил бумаге».*

Можно легко просчитать, где эти бумаги, если весь архив поэта после его смерти оказался в руках главы Третьего отделения, шефа жандармов, масона Бенкендорфа.

10. Когда мелка вода…

Так что видите, ушедший Пушкин страшен им не менее, чем при жизни, и настоящая борьба уже не с ним, а с его творчеством, началась сразу же после его смерти. Но понятие «умер» к Пушкину не применимо, как неприменимо это понятие к любому художнику, обладающему способностью чувствовать и диалектично возпринимать и описывать жизнь. «Мертвяками» ещё при жизни становятся те, кто эту жизнь пытаются «прогнуть» под себя, посколь-

[1] Газета «Советская культура», 04.06.88 г., статья «биография чуда» Л.Васильевой.

[2] Журнал «Москва», № 6, 1988 г.

ку сами они гибки только по отношению к изгибам политики власть предержащих, а не к изменениям реальной жизни. Вследствие этого их жизненный путь отмечается устойчивым внешним благополучием и даже некоторой популярностью у оболваненной ими толпы, но зато и «творчество» их умирает вместе с ними.

Вот, к примеру, один из них — Евгений Евтушенко, постоянно стремящийся быть современным, в своём «Письме к Есенину[1]» заметил по поводу «корабля», который так безпокоил Пушкина в «Сценах из Фауста»:

Но наш корабль плывёт

А дальше, не ведая, что творит, он проговорился о главном точно (стихотворец, всётаки):

Когда мелка вода,
Мы посуху вперед Россию тащим.
Что сволочей хватает,
не беда

Что правда, то правда: «их корабль» пока плывёт, а Россию они, действительно, «посуху вперёд тащат». Оттого-то русские животы и окровавлены. Они не только реки России с, их природного русла поворачивают, они и «ключи жизни» иссушили, «колодцы памяти» мерзостью космополитизма забросали. Это для них, *«что сволочей хватает, не беда»,* а для народа русского — ох, как тяжко!

Было время, когда окололитературные деятели громили и Пушкина, и Тютчева, и Достоевского, и Есенина. Но потом, поверив, что каждый из них «*хоть чуточку Есенин»* — стали прикрываться лозунгом «кота Леопольда»: «*Ребята, давайте жить дружно!»*

Поэтому и «Письмо к Есенину» Евтушенко начинает призывом:

Поэты русские, друг друга мы браним.
Парнас российский дрязгами заселен,
Но все мы чем-то связаны родным —
Любой из нас хоть чуточку Есенин.

Так он писал в 1965 году, когда было ясно, что «их корабль» плывёт, а наш они уже посадили на мель (начало «застойного», а вернее, их застольного периода).

Прошло два десятилетия. Читатель не поверил, что каждый из них «хоть чуточку Есенин», а Иосиф Бродский, даже — новый Пушкин. Не усыпил читателя и лозунг «кота Леопольда». Более того, читатель довольно откровенно выразил своё негативное отношение к тому, что *«его корабль тащат посуху».*

Читатель почему-то продолжает искренне верить, что «наш корабль» можно снять с мели и он способен плыть самостоятельно. Посмотрите, что стало с Евтушенко, куда девалось его миролюбие. Какие ярлыки, сколько презрения, желчи и ненависти исходит из его «Вандеи»[2].

Отечественное болото,
Самодовольнейшая грязь.
Всех мыслящих, как санкюлотов,
Проглатывает пузырясь.

Ну, разумеется, право мыслить он признает только за своими, то есть теми, кто мнит себя «элитой» — «мозгом нации»; все же остальные — это «самодовольнейшая грязь».

---

[1] Журнал «Знамя», № 4, 1988 г

[2] Журнал «Юность», № 6, 1988 г.

А какие библейские истины, стекают с его «поэтического» языка в «Прелестных снах»[1]:

Я продаю себя,
меня все сразу.
Все — каждого,
и каждый — сразу всех.

В этих стихах прорывается с безсознательных уровней психики поэта главный мотив первой книги «Торы» — «Бытие». Забыл стихотворец, что во сне можно проговориться о самом сокровенном, о чем наяву принято умалчивать, и потому шпарит без запинки:

Прелестный сон…
Идёт продажа дали,
Той дали, за которую страдали.
Рассматривая хищно, кто масон там? —
Расселись спекулянты горизонтом.

Вот уж, доподлинно, не ведает, что творит! Сам задает вопросы, сам же на них и отвечает. Кто привержен духу торгашества и своекорыстия и кто есть спекулянт и маркитант, ваш Маркс всё вам объяснил в своей работе «К еврейскому вопросу». А что касается «далей», то здесь вопрос по существу: слишком поздно мы разобрались, что за разные «дали» страдали. Оттого «ваш корабль» плывёт, а наш пока — на мели.

Но чувство оптимизма нам не изменяет. И как бы ни глупа была, на ваш взгляд наша публика, сами видите — всё сложнее её дурачить. В этом подлинные причины истерики представителей «литературной элиты» по поводу любого острого выступления журналов «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия». Но не надо бояться; никто «ваш корабль» топить не собирается, если он не пойдёт на дно сам, перегруженный «бочками злата», да «грузом богатым шоколата», либо если ваши «обезьяны» вдруг встанут к рулю. Даже «элита» в длительном плавании не может долго протянуть, имея в запасе лишь шоколат да злато. ЗАЧАХНЕТ!

Тут как раз бы и вспомнить предостережение Пушкина — Пророка:

Там царь Кашей над златом чахнет;
Там русский дух… Там Русью пахнет!

Да где вам! Когда «ваш корабль» начинает угрожающе крениться, спасая злато, вы на весь мир вопите: «Спасите! Нас топят неизвестные корабли, предположительно, русские». И под звон ложной тревоги вы выбрасываете за борт своих не очень удачливых попутчиков-соплеменников. И долго потом эксплуатируете мифы о катастрофах-погромах.

Глядя на это, другой великий русский поэт — Ф.Тютчев написал:

Опально-мировое племя!
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни, и невзгод,
И грянет клич к объединенью
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждём и верим Провиденью:
Ему известны день и час…

Мы ждём… Так не испытывайте наше терпенье — всему есть мера. Не мешайте нам сняться с мели и наполнить ветром паруса, чтобы плыть дальше. Иначе — совет пушкинского Фауста может быть исполнен.

Это не угроза — это предупреждение.

---

[1] Журнал «Юность», № 5, 1988 г.

г. Ленинград, июнь 1988 год.
Уточнения и пояснения в сносках — июль 2005 г.